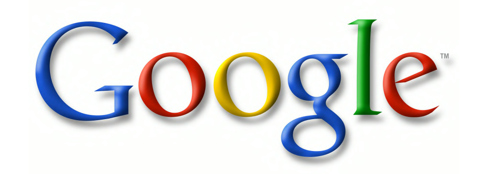
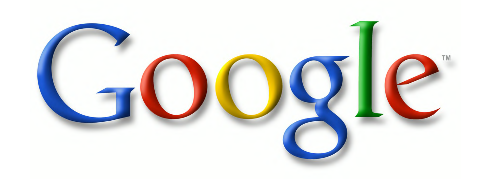
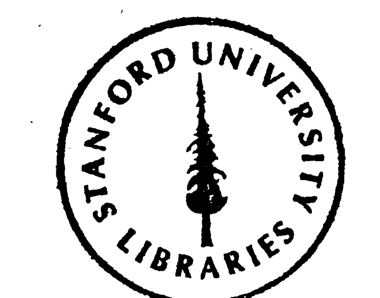

1271

Lukashevich, Klavdiia Vladimirovna, 1859- .

Ocherki iz oborony Sevastopolia.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ СЕВАСТОПОЛЯ.

(Очерки изъ обороны Севастополя 1854—1855 года.)

СОСТАВИЛА

Клавдія Лукашевичъ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Типогр. Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. д.

Москва—1904.

Дозволено цензурою. Москва, 24 апрѣля 1901 г.

I.

Сраженіе на Черной рѣчкѣ.

Послѣ смерти Нахимова потянулась въ Севастополѣ та же боевая жизнь. Съ горемъ въ сердцѣ защитники города рѣшили отстаивать и биться до послѣдней капли крови за ту землю, на которой успокоились навѣки ихъ дорогіе богатыри-адмиралы: Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ.

Въ это время въ англійскомъ лагерѣ тоже произошли перемѣны. Умеръ отъ холеры главнокомандующій лордъ Рагланъ и на мѣсто его былъ назначенъ Симпсонъ. Гробъ Раглана, покрытый національнымъ флагомъ, былъ отвезенъ на пристань въ Камышъ на восьми артиллерійскихъ лошадяхъ; съ четырехъ угловъ

катафалка ѣхали четыре главнокомандующихъ съ ихъ штабами. Процессія тянулась между двумя рядами войскъ, сначала англійскихъ, потомъ французскихъ. Парадный англійскій караулъ провожалъ тѣло до берега. Погоревавъ о своемъ главнокомандующемъ, союзники приготовились дѣйствовать рѣшительнѣе.

Однажды главнокомандующій князь Горчаковъ, пріѣхавъ на Малаховъ курганъ, обратилъ вниманіе на окопы со стороны непріятеля; они находились всего въ 15—18 саженяхъ отъ нашихъ ложементовъ.

— Это что же такое?—спросилъ удивленный князь Горчаковъ.

— Это непріятельскія апроши,—отвѣчали ему.

— Уже такъ близко! — воскликнулъ главнокомандующій, и лицо его омрачилось.

Дѣйствительно, апроши непріятелей приблизились къ нашимъ верхамъ настолько, что ихъ, кажется, и продолжать было невозможно: стоитъ лишь соединить траншеей, углубить, сосредоточить

тамъ войска и нанести рѣшительный ударъ.

Въ это время раненый Тотлебенъ лѣчился на Бельбекѣ. Онъ не могъ уже лично слѣдить за непріятельскими работами и давалъ указанія издали.

Союзники затѣвали что-то грозное. Изо дня въ день они безъ-устали громили Севастополь. То откроютъ сильный огонь по третьему бастіону, то накинутся на Малаховъ курганъ, то громятъ Корабельную. А защитники все отстаивали свою твердыню попрежнему, исполненные долга и любви къ родинѣ. Примѣры равнодушія и мужества проявлялись на каждомъ шагу. Вотъ прилетѣла къ намъ бочка съ порохомъ. Такіе боченки, скрѣпленные желѣзными обручами, союзники пускали вмѣсто бомбъ и наносили страшный вредъ. Солдатикъ Камчатскаго полка, не долго думая, подбѣжалъ къ страшной гостьѣ, готовой ежеминутно разорваться, и скатилъ ее въ ровъ... Многіе были спасены. Штуцерная пуля задѣла молодого офицера Климова, только что произ-

веденнаго изъ юнкеровъ. Падая, юноша схватился за карманъ и едва успѣлъ крикнуть: „Въ карманѣ ротныя деньги“, какъ тутъ же скончался. Даже въ минуту смерти благородный юноша думалъ только о долгѣ. Однажды непріятельская ракета пронеслась надъ артиллерійскими ящиками, ударилась въ мостовую, отскочила и, подхвативъ спавшаго солдата, закинула его на крышу казармъ, гдѣ и лопнула. Прибѣжали туда люди... Видятъ, солдатъ съ ракетой. У несчастнаго были оторваны ноги. Онъ былъ еще живъ и тихо проговорилъ: „Что мои ящики-то?.. Поди, она ихъ разнесла!..“ И тутъ же скончался.

Непріятель особенно яростно принялся въ это время разстрѣливать Корабельную сторону и доки. Бомба за бомбой валились въ тѣ мѣста, гдѣ были склады. Убыль въ людяхъ была огромная. Пули одна за другой такъ и сыпались въ амбразуры, нанося намъ жестокія потери. Чтобы судить о томъ, какъ жестокъ былъ въ это время ружейный огонь, достаточно

разсказать вотъ какой случай: начальствомъ былъ разрѣшенъ солдатамъ сборъ пуль, съ уплатой по 4 р. за пудъ свинца въ одинъ день; только на лѣвомъ фасѣ Малахова кургана три человѣка собрали 18 пудовъ, а въ продолженіе мѣсяца

Сраженіе на Черной. Контръ-атака французовъ.

нижніе чины доставили 2,112 пудовъ. Но главнымъ образомъ этимъ занимались ребятишки.

Собираніе пуль называли въ Севастополѣ „ходить по ягоды". Очень часто солдаты, собравшись по три, по четыре

человѣка, согнувшись, бродили по траншеямъ, гдѣ было особенно много свинцовыхъ „ягодъ“. Надѣвъ фуражки на палки, они отъ времени до времени приподымали ихъ надъ брустверомъ. Французскіе стрѣлки, думая, что это головы нашихъ солдатъ, работающихъ во рвахъ, дождемъ сыпали въ нихъ пули. Дразня непріятеля, солдаты не думали, что напрасно привлекаютъ выстрѣлы на наши батареи. Если офицеры замѣчали, то сейчасъ же прекращали такія продѣлки.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спроситъ кто-нибудь изъ офицеровъ, замѣтивъ усиленную стрѣльбу непріятелей въ траншеи.

— Французовъ маячимъ... Всѣ пульки у стѣнокъ подобрали. Надо бы еще... Вотъ мы ихъ и надуваемъ...

— Оставить эту затѣю... Ради пулекъ не слѣдуетъ жертвовать жизнью...

Дѣйствительно, охотники такой наживы нерѣдко платились жизнью, ранами или увѣчьемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ отняты были у насъ „Три отрока“, плохо стало Малахову кургану. Бывало, подъ защитой этихъ редутовъ, рѣдко когда на Малаховъ курганъ залетали шальныя пули, а теперь онѣ поминутно врывались въ амбразуры и расчищали прислугу.

— Эдакъ изъ орудій некому будетъ дѣйствовать,—говорили матросы, смотря съ сожалѣніемъ на падающихъ товарищей.

— Коли по три матроса на пушку останется, еще можно драться,—возражали другіе,—была бы армія. А какъ по три не останется,—ну, тогда шабашъ! Конецъ!

Страшная убыль въ войскахъ, постоянныя потери героевъ первой величины, близость непріятельскихъ работъ вызвали необходимость съ нашей стороны перейти въ наступленіе. Князь Горчаковъ не ожидалъ отъ предстоящаго сраженія пользы, не надѣялся на успѣхъ. Онъ собралъ военный совѣтъ, и большинство рѣшило за сраженіе и всѣ высказались за на-

ступленіе отъ Черной рѣчки, чтобъ атаковать Ѳедюхины высоты. Хрулевъ съ меньшими былъ противъ и предлагалъ другіе планы. Тотлебенъ, котораго посѣтилъ князь Горчаковъ на Бельбекѣ, тоже увѣрялъ въ невозможности такого наступленія, но другіе генералы настояли.

Наши войска были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ. Первый долженъ былъ двинуться подъ начальствомъ генерала Реада еще ночью. Всего было назначено для атаки пѣхоты 10,263 человѣка, 224 орудія и 48 конныхъ. Въ случаѣ успѣха, долженъ былъ быть данъ на Черной рѣчкѣ сигналъ и изъ Севастополя предполагалась на помощь большая вылазка въ 20 тысячъ человѣкъ.

4 августа наши войска двинулись въ атаку. Союзники успѣли собрать на Ѳедюхиныхъ высотахъ болѣе 70 тысячъ войска. Горы были хорошо укрѣплены. Въ ночной тишинѣ загремѣла перестрѣлка. Между нашимъ начальствомъ опять вышли какія-то недоразумѣнія: одни не

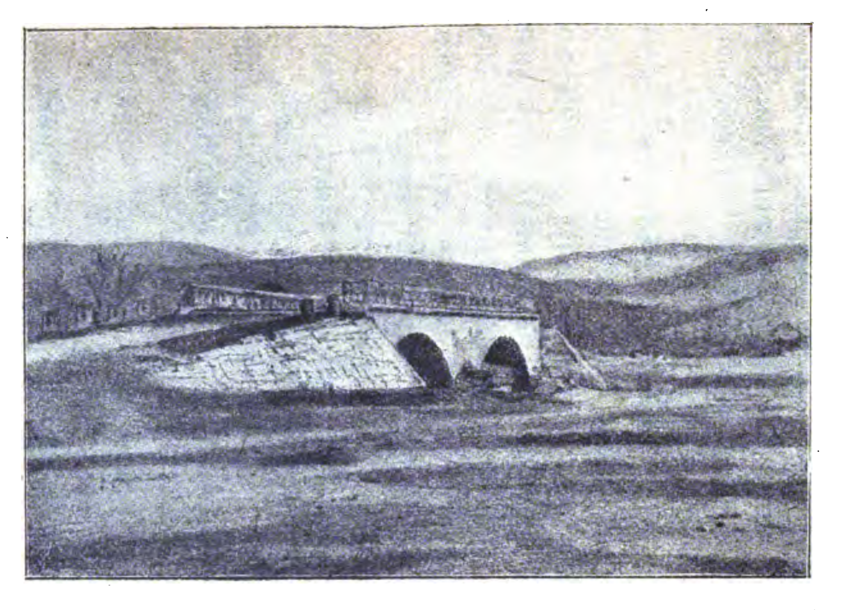

Генералъ-адъютантъ Н. А. Реадъ.

во-время начали, не во-время дали подкрѣпленія. Произошли ошибки. Успѣхъ колебался и дѣло казалось уже съ самаго начала невыиграннымъ.

Въ Севастополѣ со страхомъ и мучительнымъ душевнымъ волненіемъ ждали сигналовъ. Медленно тянулось время... Часъ, два, три... Сигналовъ нѣтъ и нѣтъ. Всѣ поняли, что это значитъ... Сраженіе было проиграно.

По донесенію, все дѣло на Черной рѣчкѣ было испорчено преждевременной атакой генерала Реада... Ему приказали „начинать“. Но онъ не понялъ, какъ и что начинать. Атаку онъ повелъ не всей дивизіей, а полками, которые лѣзли по очереди на Ѳедюхины высоты и были отбиваемы сильнѣйшимъ непріятелемъ. У Трактирнаго моста произошла страшная схватка и первымъ погибъ генералъ Реадъ. Ядро снесло ему голову. Въ этомъ сраженіи мы потеряли: 11 генераловъ, 249 офицеровъ и 8 тысячъ солдатъ. По числу незамѣнимыхъ потерь сраженіе на Черной рѣчкѣ—одно изъ самыхъ не-

Трактирный мостъ на р. Черной (впереди видны Өедюхины высоты), около него были убиты генералы Реадъ, Веймарнъ и Вревскій.

счастныхъ въ русской исторіи. Кромѣ генерала Реада, были убиты у того же Трактирнаго моста генералы Вревскій и Веймарнъ. Съ этого рокового дня Крымскую войну можно было считать оконченной.

Послѣ атаки Ѳедюхиныхъ высотъ войска наши были остановлены на позиціи по правую сторону рѣки Черной. На возвышенной батареѣ стоялъ уныло главнокомандующій. Вдругъ онъ замѣтилъ, что вдали позади всѣхъ бѣжитъ одинъ нашъ запоздалый солдатъ... То вдругъ онъ остановится, сдѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ и опять бѣжитъ; перебѣжитъ на другое мѣсто, опять стрѣляетъ и снова бѣжитъ. Всѣхъ удивляли эти странные поступки отставшаго солдата.

— Привести его ко мнѣ!—приказалъ главнокомандующій.

Два казака бросились исполнить порученіе и привели на батарею солдата. Это былъ егерь лейбъ-егерскаго Бородинскаго полка.

— Какъ твоя фамилія?—спросилъ главнокомандующій.

— Матвѣй Шелкуновъ, ваше сіятельство.

— По какому случаю ты остался сзади другихъ?

— Прикрывалъ отступленіе раненыхъ товарищей, ваше сіятельство,— отвѣчалъ Шелкуновъ.

— Какъ такъ прикрывалъ отступленіе и что же ты сдѣлалъ? Разскажи!— былъ приказъ.

— Былъ я въ цѣпи... Пришли мы къ рѣчкѣ, не глубже, какъ по поясъ было; перебѣжали рѣчку. А за ней — другая: рѣка не рѣка, а канава. Попробовалъ я: глубоко и вдругъ не перескочить. Прыгнулъ одинъ, за нимъ — другой, потомъ начали помогать другъ другу—и мостиковъ не надо; цѣпь перебралась. Врагъ сидѣлъ въ канавкахъ, — мы въ штыки: мигомъ перекололи; многіе побѣжали въ гору. Опрокинули мы ихъ кухню,—знать, они кашу варили,—да вдогонку за ними. Въ это время дали цѣпи сигналъ отхо-

дить назадъ; я позамѣшкался. Отошелъ за канавку; мѣсто попалось хорошее— кустикъ тамъ былъ; я и давай палить... Кто вылѣзетъ впередъ, того и повалишь. Разстрѣлявъ всѣ патроны, я пошелъ назадъ. Смотрю — убитый мушкетеръ лежитъ; снялъ я съ него суму, подобралъ и ружье. Въ сумѣ были патроны. Я снова за кустикъ, далъ выстрѣловъ пять, да и опять за своими. Смотрю, трое нашихъ раненыхъ. Я одинъ: извѣстное дѣло, троихъ не подберешь! Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ! Двое поползли. А вотъ этотъ, что со мной прибылъ, ползкомъ бы не добрался: рана-то животовая... Шибко мается... Ну, помогъ... Какъ замѣчу, что ползуны мои отстаютъ и я пріостановлюсь; сдѣлаю выстрѣловъ пятокъ по вражьей цѣпи и снова въ походъ... Вотъ, ваше сіятельство, и добрели мы кое-какъ до своихъ. Не думалъ... Однако, Господь милостивъ. Сохранилъ меня цѣла и невредима и благословилъ меня товарищамъ оказать помощь!

Матвѣй Шелкуновъ принесъ на себѣ пять ружей и три амуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, которыхъ отступленіе прикрывалъ.

Главнокомандующій обнялъ и поцѣловалъ его. Онъ приказалъ произвести Матвѣя Шелкунова въ унтеръ-офицеры и собственноручно надѣлъ знакъ военнаго ордена на грудь храбраго егеря.

Какъ за всю севастопольскую оборону, такъ и въ этомъ дѣлѣ солдаты выказали изумительное мужество.

„Огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ меня крайне огорчаетъ,—писалъ государь Горчакову.—Сожалѣю отъ души о бѣдномъ Реадѣ, заплатившемъ кровью за свою ошибку, равно о Вревскомъ, Веймарнѣ и двоихъ полковыхъ командирахъ, моихъ старыхъ сослуживцахъ. Я убѣдился, что славныя войска наши исполнили свято долгъ свой. Прошу объявить имъ всѣмъ, отъ генерала до солдата, мою искреннюю, душевную благодарность“.

II.

Пятое и шестое бомбардированіе. Послѣдніе дни Севастополя.

„Поминутно мертвыхъ носятъ...
Поминутно мѣста надо.
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой“.

Востокъ заалѣлъ. Снялись въ Севастополѣ ночные секреты. Веселѣе стало на сердцѣ у тѣхъ, кто стоялъ ночь въ передовой цѣпи. Однихъ снимутъ и отпустятъ въ резервъ: все-таки передохнутъ тамъ усталые герои; другихъ смѣнятъ въ ложементахъ, и они соснутъ часокъ въ блиндажѣ своего бастіона... Скоро совсѣмъ разсвѣтетъ. Послѣ сраженія на Черной рѣчкѣ всѣ жаждали передышки, отдыха, покоя... Не тутъ-то было! 5-го августа на утренней зарѣ точно земля колыхнулась. Севастополь-мученикъ опять застоналъ, обливаясь кровью. Безпрерывно понесся градъ вражьихъ ядеръ,

затрепетала Корабельная подъ ударами свирѣпаго врага.

Такъ началось пятое бомбардированіе города. Союзники, ободренные побѣдой на Черной рѣчкѣ, рѣшили съ лица земли стереть Севастополь. Въ это время къ нимъ подвезли множество пороха и нѣсколько огромныхъ орудій. Прибыли свѣжія силы.

На всемъ пространствѣ укрѣпленій, охватывавшихъ Корабельную сторону, вплоть до четвертаго бастіона, разверзся сущій адъ. Окруживъ ожерельемъ батарей холмъ, на которомъ прежде былъ Камчатскій люнетъ, французы громили главнымъ образомъ второй бастіонъ и Малаховъ курганъ. Въ этотъ разъ Севастополь бомбардировало восемьсотъ орудій. И такъ продолжалось до 24-го августа. Артиллерія союзниковъ стала вырывать у насъ съ этого дня гораздо больше жертвъ, чѣмъ прежде. Ежедневный уронъ простирался отъ 500 до 1,500 человѣкъ.

Погода стояла жаркая; надъ городомъ нависли тучи порохового дыма и пыли;

чувствовался тяжелый запахъ крови и разлагающихся труповъ; дышать было нечѣмъ. Защитники Севастополя такъ закалились, такъ обтерпѣлись въ этомъ аду, что, казалось, въ окопахъ Севастополя живутъ люди безъ сердца, безъ крови, со стальною грудью. Явилось полное равнодушіе, даже презрѣніе къ смерти... Но они все-таки боролись, еще отстаивали то, что было имъ всего дороже, то, что стоило такихъ колоссальныхъ жертвъ... Всѣ еще надѣялись, что отстоятъ Севастополь, остальное все нипочемъ. Отъ непомѣрной жары брустверы нашихъ укрѣпленій совершенно засохли, непріятельскій огонь дѣйствовалъ на нихъ страшно разрушительно; подъ жестокимъ огнемъ каждую ночь возобновляли мерлоны; днемъ одинъ-два снаряда все разрушали; насыпи глыбами осѣли въ ровъ, и работы, стоившія неимовѣрныхъ усилій, распадались впрахъ.

Бомбардированіе съ каждымъ днемъ усиливалось и порою достигало ужасныхъ размѣровъ. Люди гибли во множествѣ,

но оставшіеся не унывали. Какое-то гордое сознаніе своего достоинства, отвага, удаль и молодечество видны были на всѣхъ лицахъ. Въ одной рубахѣ, съ Георгіемъ на груди, въ широкихъ парусинныхъ шароварахъ, съ черным галстукомъ, концы котораго падали на грудь, въ солдатской фуражкѣ стояли герои у орудій, закоптѣлые въ дыму, замаранные порохомъ отъ выстрѣловъ, облитые кровью и потомъ. Въ моментъ боя эти жители бастіоновъ, постоянно борющіеся со смертью въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, казались неземными существами.

— Не ходите здѣсь... Здѣсь очень опасно, — скажетъ новоприбывшему какой-нибудь загорѣлый матросъ, покуривая около орудія трубку.

— А ты-то какъ же тутъ ходишь? — замѣтятъ ему.

— Намъ это ничего... Мы здѣшніе, привыкли,—равнодушно отвѣтитъ воинъ.

И какой глубокій смыслъ выражается въ этихъ словахъ.

Союзники все чаще и чаще стали стрѣлять залпами и, казалось, хотѣли забросать защитниковъ снарядами. Попадая цѣлой тучей въ насыпи, снаряды производили сильное сотрясеніе и разрушеніе. Залпъ, это — ужасный способъ борьбы. Невозможно описать то впечатлѣніе, когда вдругъ изъ батареи вылетитъ сразу ядеръ 15—20; они сметали и рушили все на пути и не было спасенія отъ этой тучи.

„Ревъ, который происходилъ при стремленіи этой кровожадной стаи снарядовъ, потрясалъ самыхъ отважныхъ. Въ мірѣ, кажется, не было предмета, который бы не сокрушился подъ этими страшными ударами... Да, не было предмета, кромѣ мужества севастопольца!“ говорилъ очевидецъ.

Съ наступленіемъ ночи непріятель прекращалъ дѣйствіе прицѣльныхъ выстрѣловъ, а бросалъ бомбы навѣсно и открывалъ сильный штуцерный огонь, чтобы препятствовать исправленію укрѣпленій и подвозу снарядовъ и матеріаловъ.

Въ эту бомбардировку раненыхъ было немного, потому что били большей частью наповалъ.

Князь Горчаковъ часто обходилъ укрѣпленія оборонительной линіи. Подъ сильнымъ огнемъ онъ являлся со своей свитой и съ любовью, съ сердечной нѣжностью благодарилъ всѣхъ именемъ царя за стойкость, — всѣхъ, кого встрѣчалъ: генерала, офицера, матроса и закопченнаго пороховымъ дымомъ солдата. Появленіе вождя, равнодушнаго къ смерти, укрѣпляло и утѣшало утомленныхъ бойцовъ Севастополя.

Пріѣхавъ однажды на Малаховъ курганъ и замѣтивъ новые подступы непріятеля, князь Горчаковъ сказалъ:

— Все ближе и ближе подходятъ они...

— Торопятся, ваше сіятельство, кашу ѣсть изъ одной чашки съ нами, — отвѣчалъ одинъ изъ случившихся солдатиковъ.

Этотъ отвѣтъ очень понравился главнокомандующему, и онъ улыбнулся грустной улыбкой.

Обходя разрушенный второй бастіонъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ спросилъ у окружающихъ его солдатъ:

— Много ли васъ здѣсь на бастіонѣ?

Одинъ изъ егерей на минуту призадумался, соображая что-то, и спокойно отвѣчалъ:

— Дня на три насъ хватитъ, ваше сіятельство.

Жизнь здѣсь сложилась такъ, что герои-защитники дѣлили себя на очереди, когда кому лечь костьми на защиту родины, и выжидали рѣшенія своей участи спокойно, съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти.

Дубровинъ въ своей книгѣ пишетъ:

„Поклонитесь передъ ними: они достойны вашего почтенія,—сказалъ одинъ изъ проповѣдниковъ.—Поучайтесь у нихъ, какъ защищать родную землю, прибавимъ мы, отдавая дань удивленія этимъ смѣлымъ сынамъ Россіи. Да, достойны удивленія всѣ, стоявшіе подъ адскимъ огнемъ, который не прерывался цѣлый августъ мѣсяцъ“.

Въ это время подошло къ Севастополю курское ополченіе. Все это были молодцы, красавцы-крестьяне, здоровые, цвѣтущіе.

Радостно, съ восторгомъ встрѣтили ихъ истомленные севастопольцы.

Сцена изъ севастопольской жизни. Хрулевъ.

—Побратимы наши родимые, здорово!— говорили солдаты, троекратно цѣлуясь съ ополченцами. —Православные бородачи вы наши, по завѣту батюшки-царя пришли!

— Ну, таперича, братцы, будетъ французу трепка,—смѣялись севастопольцы.—

Потому самое, что ни на есть, нутро Россіи пришло!

Не на радость пришли и бородачи въ Севастополь. Ихъ размѣстили по оборонительной линіи и многіе тысячи ихъ не увидали болѣе нутра Россіи.

Въ Севастополѣ черезъ бухту спѣшно строили мостъ. Съ недоумѣніемъ и недоброжелательствомъ смотрѣлъ на него закаленный гарнизонъ. „Зачѣмъ, къ чему этотъ мостъ?.. Неужели оставятъ Севастополь?.. Уже принесено столько жертвъ и всѣ давно рѣшили лечь тутъ костьми“...

Мостъ навели отъ Николаевскихъ казармъ къ Михайловской батареѣ. Строилъ его начальникъ инженеровъ генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ. Работало сорокъ саперовъ и шестьдесятъ солдатъ. Онъ состоялъ изъ шести участковъ, по четырнадцати плотовъ каждый, имѣя въ длину четыреста тридцать саженъ, а въ ширину—три сажени. Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ плотовыхъ мостовъ, какіе когда-либо наводились для переправы войскъ. Онъ изумилъ быстро-

тою постройки даже союзниковъ, которые всѣми мѣрами старались помѣшать его наведенію, пуская по немъ и по стоявшимъ кругомъ кораблямъ около пятисотъ навѣсныхъ ядеръ въ сутки, но вреда ему не причинили.

15-го августа, послѣ обѣдни, мостъ былъ освященъ и открытъ, и по нему пошли и поѣхали цѣлыми толпами. Страшно было слышать топотъ лошадей и громъ телѣгъ посрединѣ бухты надъ зыбью волнъ, никогда не носившихъ на себѣ такого пояса. Огромныя бревна, торчавшія изъ-подъ полотна, скоро покрылись длинными, свѣтло-зелеными космами подводной травы, и въ этихъ космахъ, похожихъ на красивую расчесанную бороду, гуляла постоянно мелкая рыбка, какъ въ лѣсу, играя на солнцѣ серебристой чешуйкой.

Только защитники-севастопольцы угрюмо, недовольно смотрѣли на новый мостъ. Они предчувствовали будущее. Скорбѣли ихъ закаленныя души и не мирились съ ожидаемымъ. Никто не хотѣлъ допустить мысли, что по этому мосту будутъ отсту-

Предчувствуя послѣдніе часы родного города, многія женщины подъ градомъ снарядовъ и пуль прибѣгали на бастіоны проститься съ мужьями, братьями, отцами... Многія приводили ребятишекъ.

— Благослови, отецъ, — рыдая, едва въ силахъ была проговорить какая-нибудь несчастная жена.

Матросъ при грохотѣ орудій, въ пороховомъ дыму перекреститъ сынишку, поцѣлуетъ жену и махнетъ имъ рукой: дескать „уходите скорѣе“: тяжело ихъ видѣть, да и зоветъ его долгъ на предсмертный постъ.

Мрачнѣе и озабоченнѣе становились лица севастопольцевъ. Исчезла всякая веселость: слова, не то что шутки, замирали на губахъ. Офицеры, солдаты не спали, не обѣдали, ѣли кое-какъ походя, отдыхали, присѣвъ и склонивъ голову на грудь. Только явственнѣе, безустаннѣе раздавался на бастіонѣ голосъ сигнальщика, тянувшаго безъ передышки: „Пушка, маркела, бонба, жеребецъ! Наша, наша, наша!“ Некуда уйти отъ этихъ

предсмертныхъ словъ. По мѣрѣ угасаній человѣческихъ жизней, все ярче и ярче горѣли неугасимыя лампады передъ иконой, покровительницей бастіоновъ. Свѣтъ отъ множества зажженныхъ свѣчей передъ ней озарялъ по ночамъ группы молившихся на колѣняхъ защитниковъ Севастополя. Они видѣли смерть во всѣхъ ужасахъ, видѣли, какъ на глазахъ разрывало на части людей, видѣли, какъ товарищи пропадали безслѣдно, оставался лишь клочокъ сѣрой шинели, кусокъ мяса да лужа крови.

Вотъ что пишетъ очевидецъ этихъ послѣднихъ дней:

„Однажды я встрѣтилъ солдата Волынскаго полка, шедшаго сумрачно по Екатерининской улицѣ съ окровавленнымъ узелкомъ въ рукахъ.

„— Что ты несешь, товарищъ?

„— Майора, ваше благородіе. Бомбой его разорвало... Славное было начальство, царство небесное! Мы вотъ сердце да кое-что собрали... Несу похоронить... Жалко!"

Такія сцены никого не удивляли.

Служба на бастіонахъ казалась предсмертной агоніей. Солдаты не раздѣвались, не имѣли возможности отдохнуть. Жара стояла страшная. Чувствовался недостатокъ въ водѣ, что было хуже пытки.

Начальники безропотно раздѣляли участь гарнизона. Князь Горчаковъ являлся всюду. И какъ рыцарь-вождь примѣромъ богатырской отваги одушевлялъ всѣхъ. Утѣшая, ободряя, онъ со всѣми одинаково переживалъ безпримѣрную годину: на себѣ онъ чувствовалъ муки Севастополя, плакалъ его слезами, ежеминутно готовъ былъ смѣшать свою кровь съ кровью защитниковъ.

На всѣхъ углахъ передовой линіи ежедневно, ежечасно появлялся Степанъ Александровичъ Хрулевъ. И чего только не случалось съ „отчаяннымъ" генераломъ. Какимъ приключеніямъ, какой опасности только онъ не подвергался. Поѣздъ его бывалъ виденъ издали и всегда одинаковъ. Впереди верхомъ боцманъ Цурикъ, тѣлохранитель и неразлучный спутникъ генерала Хрулева, отважный и

умный. Онъ плетется шагомъ, грудь украшена Георгіемъ. За нимъ въ папахѣ, на знакомой всѣмъ севастопольцамъ сѣрой лошади, въ тепломъ форменномъ пальто нараспашку, въ большихъ сапогахъ, сгорбясь, съ нагайкой въ рукѣ, на казачьемъ сѣдлѣ, съ огромными деревянными стременами, генералъ Хрулевъ со своими неизмѣнными ординарцами. Безмятежно двигался этотъ поѣздъ по опасной дорогѣ, не обращая вниманія на полетъ снарядовъ и проносившіяся пули.

Впервые ли двигаться Хрулеву по такой дорогѣ? Да и гдѣ онъ не двигался, въ какое время дня и ночи не появлялся?

Однажды во время жестокой бомбардировки Хрулевъ поспѣшилъ на Малаховъ курганъ. Шибче обыкновеннаго пробирался его добрый конь между матросскими домиками, покрывавшими курганъ. На одну изъ узкихъ улицъ спускалась со стономъ бомба.

— Съ лошади, съ лошади, ваше превосходительство! — закричали проходившіе солдаты и бросились на землю.

— Зачѣмъ, ребята?—спросилъ генералъ.

— Бомба, ваше превосходительство, бомба!..

Прошло, конечно, всего мгновеніе. Бомба легла въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, шипѣла и вертѣлась, будто бѣшеная.

— Ну, что жъ, что бомба! А можетъ, не разорветъ?

— Разорветъ, ваше превосходительство. Слышите, шипитъ!

— Авось, не разорветъ,—продолжалъ Степанъ Александровичъ и проѣхалъ мимо самой бомбы.

Ее, дѣйствительно, по счастью, не разорвало.

— Видите, ребята! — крикнулъ генералъ, оборотясь.—Я говорилъ вамъ, что не разорветъ.

Солдаты перекрестились. Съ восторгомъ смотрѣли они вслѣдъ любимому генералу.

— Отчаянный!.. Его и бонба боится,— съ любовью говорили они.

Въ другой разъ былъ такой случай:

Хрулевъ подъѣхалъ къ узкой и открытой дорогѣ по оборонительной линіи около третьяго бастіона.

— Извольте сойти съ лошади, ваше превосходительство... Здѣсь нельзя проѣзжать,—сказали ему шедшіе навстрѣчу солдаты.

— Отчего?

— Убьютъ.

— Да почемъ ты знаешь?

— Здѣсь и пѣшкомъ итти—пригнуться надо... либо бѣгомъ... И то сейчасъ двѣ-три штуцерныя влѣпятъ... Ужъ мы знаемъ, что убьютъ.

— А можетъ и не убьютъ?

— Никакъ-съ нѣтъ-съ, ваше превосходительство. Безпремѣнно убьютъ... Это такое мѣсто.

— Такъ вотъ же не убьютъ!

Хрулевъ движеніемъ руки приказалъ своей свитѣ остановиться... А самъ шагомъ тихо поѣхалъ по роковому мѣсту. Пронеслось, простонало кругомъ него нѣсколько пролетныхъ штуцерныхъ пуль, но ни одна не коснулась его.

— Вотъ вамъ и мѣсто. Не всегда убиваютъ!—крикнулъ генералъ,

Солдаты съ удивленіемъ смотрѣли на геройскую отвагу своего начальника. Одинъ пожалъ плечами и пробормоталъ:

— Ишь вѣдь... Должно-быть, нашъ генералъ заговоренный!..

Встрѣчные матросы и солдаты не снимали шапокъ, но какъ-то весело, любовно смотрѣли на любимаго генерала.

У него для всѣхъ находился привѣтъ, ласковое слово.

— Здравія желаемъ!—кричали ему въ отвѣтъ.

При видѣ его становилось легче на душѣ въ эти страшныя минуты.

А канонада все разгоралась. Эти послѣдніе дни были самыми тяжелыми, вовѣки незабываемыми днями. Представить себѣ невозможно, что тогда было перенесено: надо было перечувствовать, видѣть, пережить самому. И только русскій солдатъ могъ это пережить.

КОНЕЦЪ.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

НА БАСТІОНАХЪ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ.

(Изъ обороны Севастополя.)

СОСТАВИЛА

Клавдія Лукашевичъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Мин. Нар. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. д.
МОСКВА.—1904.

Дозволено цензурою. Москва, 24 апрѣля 1904 г.

I.

„Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ,
Подъ немолчные, тяжкіе стоны,
Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной тѣнью росли бастіоны“...

Апухтинъ.

Война разгоралась. Это былъ тяжелый 1854 годъ. Союзники все ближе и ближе подступали къ Севастополю. Севастополь день ото дня крѣпчалъ.

Менѣе чѣмъ въ два мѣсяца кругомъ Севастополя выросло восемь бастіоновъ. Какъ грозно, величественно звучитъ это слово!

На самомъ дѣлѣ, это были небольшія возвышенія за траншеями, окруженныя со всѣхъ сторонъ насыпями.

„Но не стѣны намъ—это мы стѣнамъ
Дали силу ихъ непонятную“...

Стѣны бастіоновъ были сложены изъ мѣшковъ съ землею и заставлены турами и фа-

шинами. Площадки бастіоновъ были задавлены постройками и переполнены всегда народомъ. Во всѣхъ направленіяхъ ихъ перерѣзали насыпи (траверзы), землянки (блиндажи), пороховые погреба, на которыхъ стояли огромныя орудія, возлѣ нихъ лежали ядра, сложенныя правильными кучами.

Около орудій всегда находились солдаты.

Бастіоны постоянно были окружены и покрыты или облаками порохового дыма или тучами пыли—днемъ отъ разрывающихся снарядовъ, ночью отъ исправленія батарей.

Повсюду валялись орудія, осколки бомбъ, неразорвавшіяся гранаты, изломанныя колеса... Все это въ пыли, въ грязи.

Тамъ и сямъ чернѣлись отверстія—входы въ блиндажи или землянки.

Землянки начальниковъ такъ были малы, что повернуться въ нихъ было трудно. Войдешь—и садись на жесткую кровать.

Тамъ всегда народъ... Шумное, веселое общество можно встрѣтить и днемъ и ночью. Одни уходятъ, другіе входятъ.

Въ блиндажахъ теплились лампадки и горячо молились передъ ними солдатики; въ нѣкоторыхъ были устроены походныя церкви.

Надъ бастіонами носились постоянно ядра, бомбы, пули... Смерть выглядывала отовсюду. Ни одинъ уголокъ не могъ быть защитой.

Однако, тамъ, несмотря на близость непріятеля, на близость смерти, все казалось спокойно, какъ въ мирномъ городѣ. Люди не бѣгали, не суетились, каждый строго и спокойно былъ занятъ своимъ дѣломъ, каждый работалъ.

Только опытный, храбрый сигнальщикъ зорко слѣдилъ за непріятельскими орудіями.

— Пушка!—кричитъ онъ.

Затѣмъ слышенъ свистъ ядра... Вотъ оно упало, и брызги разлетаются по сторонамъ.

— Мартына *)!—снова выкрикиваетъ сигнальщикъ. На бастіонѣ слышатъ равномѣрное посвистываніе вертящейся въ воздухѣ бомбы и продолжаютъ работать.

— Мартына, ребята!—успѣваетъ повторить еще разъ сигнальщикъ, и кто хочетъ спасается.

— Бонба, бонба!—особенно громко кричитъ опытный сигнальщикъ. Это значитъ гостья жалуетъ на бастіонъ.

Бомба упала на батареѣ, вертится, шипитъ и дымится. Солдаты припали къ землѣ и лежатъ,

*) Мортира.

летаютъ со свистомъ и стономъ бомбы. Взлетятъ онѣ въ вышину и падаютъ, какъ кометы, оставляя за собой огненный слѣдъ.

— Лохматка (т.-е. бомба)!—слышится въ темнотѣ окрикъ сигнальщика на бастіонѣ.

Люди бросаются на землю.

— Не наша!.. Армейская!

Значитъ, бомба полетѣла за прикрытіе, въ городъ, за батарею.

Сигнальщики цѣлую ночь стоятъ безсмѣнно. Иной разъ взгрустнется русской душѣ. Сумрачный, усатый воинъ прислонится къ брустверу и вполголоса затянетъ пѣсню. И поетъ всю ночь до разсвѣта. „Не бѣлы снѣги-и-и-и...— вытягиваетъ сигнальщикъ.—Эхъ, не бѣлы-ы-ы снѣги-то во полѣ-ѣ-ѣ“.

— Пушка-а-а! Мимо!—кричитъ онъ, обрывая пѣсню и потомъ опять продолжаетъ:— Забѣлилися-я-я-я... Бонба! Мартына! Бережись!—выкрикнетъ снова и опять поетъ заунывно, хватая за сердце:—Забѣлилися-я-я. Эхъ, не бѣлы снѣги-и-и... Мартына! Не наша!

И цѣлую ночь поется эта пѣсня съ такими тавками, подъ звуки выстрѣловъ, подъ ревъ рывающихся снарядовъ.

Иногда непріятель такъ участитъ огонь, что пѣсня обрывается, и сигнальщикъ безъ передышки кричитъ:

— Бонба! Мартына! Бережись! Пушка! Граната! Жеребецъ *)!

— Не части, Михеичъ!—скажетъ кто-нибудь изъ товарищей.

— Съ ноги собьешся!—подхватитъ, смѣясь, другой.

— Э, да непріятель никакъ раскутился,—скажетъ начальникъ, выходя изъ блиндажа.—Угостить ихъ бомбой.

— Есть!—по морской привычкѣ отзовется командиръ. Нѣсколько матросовъ бѣгутъ къ орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью?

— Бонбой на стропкѣ.

Это значитъ съ веревкой.

— Ну, валяй!

Чугунная громада въ 300 пудовъ отпрыгнетъ назадъ; клубы горячаго порохового дыма охватятъ прислугу; грянетъ выстрѣлъ... И тяжелая бомба, шипя и гудя, по воздуху поне-

*) Жеребцомъ солдаты называли гранату, которая, разрываясь въ воздухѣ, оставляла за собою огненный слѣдъ, въ видѣ гривы.

сется къ непріятелю. Надъ головами стоящихъ на бастіонѣ пролетитъ не одно, а нѣсколько отвѣтныхъ ядеръ.

— Пали черезъ каждыя четверть часа, пока я не прикажу перестать,—скажетъ начальникъ батареи и уйдетъ въ свою землянку.

На звуки выстрѣловъ, своихъ и непріятельскихъ, отзовутся сосѣдніе бастіоны. И пойдетъ потѣха. Третій бастіонъ угоститъ непріятельскія траншеи „темной“, т.-е, картечью, а четвертый пошлетъ „капральство“, т.-е. штукъ 30 гранатъ. Букетомъ свѣтлыхъ звѣздъ разсыплются гранаты надъ непріятельскою траншеею и съ перекатнымъ трескомъ разорвутся у нея въ гостяхъ. Тамъ стоны, смерть и страданія.

II.

Солдаты и матросы такъ свыклись съ бомбами и гранатами, что не проходило дня, чтобы не разсказывали на бастіонахъ о какихъ-нибудь необычныхъ случаяхъ привычнаго равнодушія, геройства.

— Мартына—направо! Бонба — бережись! Армейская—налѣво!.. Наша, наша! — цѣлые дни знай выкрикиваютъ сигнальщики.

Солдаты и матросы, привыкнувъ къ этимъ возгласамъ, даже головы не поднимаютъ.

— Каждой „бонбы“ бояться—лба не перекрестишь. Будетъ казаться, что руку оторветъ,—говорятъ солдаты, не отрываясь отъ своихъ занятій.

— Не кланяйся: шея заболитъ,—укоряютъ солдатики новаго товарища, непривычнаго еще къ бастіонной жизни.

Жизнь эта изо дня въ день тянется одинаково.

Однажды къ обѣду на бастіонъ принесли ушатъ съ варевомъ. Матросы обступили, торопятся—ѣсть охота.

Вдругъ слышится особенно громкій крикъ сигнальщика:

— Берегись! Берегись! Наша!

— Ладно! Простынетъ каша,—отвѣчаетъ въ тонъ какой-то балагуръ.

Еще мгновеніе, и трехпудовая бомба упала рядомъ съ ушатомъ. Она шипитъ, еще дымится... Тутъ уже не до смѣха. Но матросы не растерялись. Одинъ проворно схватилъ бомбу руками и бросилъ ее въ ушатъ съ кашей. Бомба потухла и ее не разорвало. Тогда

другой осторожно вытащилъ ее изъ ушата и перекинулъ черезъ бруствeръ.

— Попробовала русской каши... Ступай вонъ, гостья незваная... Разсказывай своимъ, какъ мы угощаемъ,—острятъ солдаты при общемъ хохотѣ.

На Камчатскомъ люнетѣ бомба ударилась въ траверзъ и зарылась въ немъ. Рядовой Селенгинскаго полка Петръ Петровъ, проносившій мимо мѣшокъ земли, вскочилъ на траверзъ, высыпалъ землю на то мѣсто, куда зарылась бомба, и притопталъ ногой, думая погасить трубку. По необыкновенной милости Господней, бомба задохлась.

Въ темныя ночи французы бросали въ бастіоны „брандскугели“. И въ то мгновеніе, когда одинъ изъ нихъ, падая на землю, разбрасывалъ пламя, французы осыпали освѣщенное имъ пространство градомъ пуль.

Однажды ночью наши увидѣли, что летитъ зловѣщій фонарь, упалъ и катится къ нашимъ рабочимъ. Французы пошли строчить.

— Охъ, перебьютъ многихъ,—вздохнувъ, громко сказалъ кто-то.

Недолго думая, удалой Макаръ Сидоренко, рядовой Селенгинскаго полка, бросился за

брандскугелемъ, догналъ его и въ то мгновеніе, когда тотъ остановился и долженъ былъ разорваться, затушилъ его мѣшкомъ земли.

— Молодецъ, Сидоренко! Спасибо, братъ! Сколько душъ христіанскихъ отъ смерти спасъ! — закричали товарищи, осыпая похвалами храбреца.

Бывали и такіе случаи.

Одна изъ множества бомбъ упала на батареѣ близъ большой толпы солдатъ. Всѣ шарахнулись въ стороны: кто упалъ на землю, другіе, точно окаменѣвъ, ждали смерти... Мгновеніе было ужасно... Бомбовая трубка горѣла.

Матросъ Трофимъ Александровъ стремглавъ бросился къ бомбѣ, жертвуя собой.

— Бережись, бережись! Курится, курится! — съ ужасомъ кричали ему товарищи.

Но Александровъ зналъ, что дѣлалъ: схватилъ земли и грязи, засыпалъ бомбу и залѣпилъ горѣвшую трубку. Она погасла. Матросъ перекрестился и, толкнувъ ногой потухшую бомбу, шутливо крикнулъ товарищамъ:

— Эхъ вы, солдатами зоветесь, а курицы боитесь!

Въ тотъ же день бомба ворвалась въ казематъ 5-го бастіона. Народу тамъ было много.

Матросъ 43-го флотскаго экипажа Григорій Палюкъ не задумался. Мигомъ зачерпнулъ онъ шапкой воды и подскочилъ къ бомбѣ, чтобы залить ее. Но бомба не дождалась, лопнула, оглушила всѣхъ, многіе попадали.

— Пропалъ нашъ Палюкъ! — сказалъ кто-то изъ солдатъ, дико озираясь.

— Царство ему небесное! — проговорилъ другой голосъ.

Разсѣялся дымъ и что же увидѣли: лихой матросъ живъ, невредимъ, но сильно оглушенъ разрывомъ. Онъ стоялъ около лопнувшей бомбы съ шапкой воды въ рукахъ, съ вытянутымъ лицомъ, съ разинутымъ ртомъ.

— Ишь, ишь... Не успѣлъ... Неховайсь разорвало... Ишь, ишь...— растерянно, недоумѣвающе повторялъ онъ.

Много было такихъ подвиговъ: всѣхъ не перечислить; одни кончались счастливо, но чаще всего гибли сотни удальцовъ.

Союзники бомбардировали бастіоны изо дня въ день. Иногда при совершенно чистомъ небѣ солнца не было видно отъ дыма, пыли, земли и осколковъ. Воздухъ былъ смрадный, удушливый: дышать бывало нечѣмъ.

Матросъ Григорій По...

Земляныя насыпи были рыхлы, непрочны: каждая бомба, разрываясь и углубляясь, далеко разбрасывала землю и била всѣхъ осколками и каменьями. У офицеровъ и солдатъ лица, руки, одежда были въ крови и въ грязи; тѣло и всѣ члены болѣли отъ контузій. Но о собственныхъ страданіяхъ думать было некогда... когда кругомъ цѣлое море еще болѣе тяжкихъ страданій... Конечно, всѣ уже сжились съ трупами, со стонами и криками раненыхъ, но все-таки они всегда терзали сердца и гнетомъ ложились на душу. И видѣть это изо дня въ день, переживать смерть близкихъ товарищей, было одною изъ главныхъ трудностей обороны.

Вотъ бомба ударила на бастіонъ; осколокъ вонзился въ животъ браваго, славнаго матроса, любимаго всѣми. Кишки длинными лентами висятъ изъ раны. Несчастный хватаетъ ихъ обѣими руками, заправляетъ на мѣсто и тутъ же, помертвѣвъ, падаетъ навзничь.

Другому солдатику оторвало ногу выше колѣнки и растерзало животъ. Несчастному осталось нѣсколько минутъ жизни. Между тѣмъ, онъ жалобно проситъ товарищей:

— Ребятушки, трубочку мою съ ногою унесло. Дайте затянуться предъ смертью!

Товарищъ ему далъ. Потянулъ страдалецъ и говоритъ:

— Э, братъ, гдѣ ты разжился такимъ табакомъ?

— Въ губерніи куповалъ.

— Славный табачокъ! Давно не курилъ такого. Ну, прощайте теперь, братцы!—продолжалъ онъ. —Не поминайте лихомъ! — Перекрестился и началъ отходить.

Вотъ слышно, что за траверзомъ кто-то громко, отчаянно молится. Бросились туда. Одинъ изъ тысячи страждущихъ лежитъ съ оторванной ногой, другая перебита.

— Братцы, заколите меня! Богомъ молю! Сжальтесь!.. Дайте умереть!.. Голубчики, прикончите,—умоляетъ горемычный и, хватаясь за ноги товарищей, проситъ одного — смерти.

И дѣйствительно, смерть была бы лучшимъ для него успокоеніемъ.

III.

Наступитъ ночь, и на бастіонахъ закипитъ еще болѣе дѣятельная, усердная работа. Идутъ смѣны одна за другой. Надо спѣшно и хорошо исправить то, что непріятель разрушилъ днемъ.

Валъ и амбразуры исправлялись турами и фашинами, мѣшками съ землею; даже рвы за валомъ исправляли помощью потерны, ведущей въ него подъ землею, и земля, осыпавшаяся съ вала, выносилась въ мѣшкахъ.

Ночью же убирали убитыхъ.

На каждомъ бастіонѣ былъ свой „мертвецкій уголъ“. Убитые лежали рядами на землѣ, „обряженные“ товарищами. У многихъ въ рукахъ была вставлена восковая свѣча.

Въ тихую погоду эти свѣчи зажигались, и какъ грустна и торжественна была картина бастіона съ этими мерцающими надъ мертвыми огоньками.

На разсвѣтѣ пріѣзжали на бастіоны татарскія маджары, которыя назывались „покойницкія фуры“. На эти фуры накладывались груды мертвыхъ и отвозились на Графскую пристань. Тамъ ихъ брали на баркасъ и перевозили на Сѣверную сторону для погребенія „въ братскихъ могилахъ“. Унтеръ-офицеръ, перевозившій тѣла, назывался „Харономъ“.

На большомъ полѣ Сѣверной стороны Севастополя копались „братскія могилы“. Это были огромныя ямы и клали туда по 100 и болѣе человѣкъ, а иногда послѣ страшныхъ дней

бомбардированія и сраженій даже и по тысячѣ. Покойниковъ погребали въ одномъ бѣльѣ, безъ сапогъ. Клали ихъ головами другъ къ другу. Ряды пересыпали известью и землею; на этотъ рядъ клался новый слой, потомъ третій, четвертый и пятый, а поверхъ его насыпался большой холмъ.

Офицеровъ хоронили обыкновенно въ отдѣльныхъ гробахъ. И много поднялось холмовъ на кладбищѣ. Одни были безъ крестовъ, на вершинѣ другихъ виднѣлись кресты, лежали аккуратно сложенные осколки ядеръ, бомбъ, виднѣлись вѣночки. Родная рука убирала эти холмы.

Можно было съ увѣренностью сказать, что это могилы моряковъ. Они были черноморцы, жители Севастополя. По нимъ плакали на ихъ могилахъ осиротѣлыя матери, сестры, жены, дѣти.

Другія могилы были одиноки. Здѣсь лежали тѣ, которые пришли издалека на защиту дорогого отечества. Плакали и о нихъ, но гдѣ-нибудь далеко, куда пришла горькая вѣсть о геройской смерти родного человѣка. Много пролито слезъ несчастныхъ матерей, женъ, дѣтей во время войны, и онѣ горько взываютъ къ небесамъ на жестокость людей.

Такъ возникли въ Севастополѣ три огромныхъ кладбища. Они съ каждымъ днемъ расширялись и, наконецъ, слились вмѣстѣ. Тутъ и выросло „Братское кладбище“, извѣстное всему міру. За 11 мѣсяцевъ осады подъ его холмами полегло 137 тысячъ защитниковъ Севастополя.

IV.

Да, тяжело жилось на бастіонахъ, но лишь только явится маленькая передышка, какъ уже наши солдатики забыли тревогу, утомленіе, адскіе снаряды. Таковы русскіе люди. Годъ тягости, да часъ радости. Забыто горе, прощены обиды, и солдаты готовы отдать все, что у нихъ есть за душой.

Иногда раздастся пѣсня. Мгновенно, будто сговорясь, ее подхватятъ нѣсколько человѣкъ въ ложементахъ. И пѣсня загремитъ и зальется въ пространствѣ, полная силы, прелести и удали.

Русскій человѣкъ поетъ и въ горѣ и въ радости. Поетъ онъ на свадьбахъ, въ хорово-
ъ, въ траншеяхъ подъ градомъ пуль. Во
я тяжелой осады не было солдатамъ по-

коя и отдыха ни днемъ ни ночью. Никто не слышалъ отъ нихъ ни жалобъ ни упрековъ. Только въ пѣснѣ порой выливалась сердечная тоска. Пѣсня составляла единственное утѣшеніе солдата въ столь тяжкомъ положеніи.

Въ праздникъ раздастся вдругъ звукъ гармоники или балалайки. У какого-нибудь матросика явится скрипка, у пѣхотинца—кларнетъ. Иной артистъ тысячи верстъ несетъ свой инструментъ, прицѣпивъ къ штыковымъ ножнамъ. И въ часы отдыха веселитъ имъ своихъ товарищей.

Сѣвъ на лафетъ орудія, оба музыканта съ воодушевленіемъ наигрываютъ камаринскую и выводятъ тактъ ногой. Товарищи сначала слушаютъ молча. Но вотъ у одного уже передергиваются плечи, другой сѣменитъ ногами, третій поправляетъ шапку, натягивая ее лихо набекрень.

— Не вытерпѣть, братцы... Ну-ка!—раздается звонкій голосъ молодого солдатика, и, не докончивъ фразы, онъ пускается въ плясъ. Всѣ точно очнулись. Одинъ, другой присоединяются къ пляшущему... Пляска дѣлается общей. Топотъ ногъ, звуки музыки, смѣхъ, возгласы, пѣсни раздаются на бастіонахъ.

Иногда придутъ начальникъ бастіона, офицеры посмотрѣть на веселье... Солдаты знаютъ, что имъ также любы и русская пѣсня и пляска, и не чинятся: еще замысловатѣе дѣлаютъ выкрутасы ногами, еще удалѣе поется пѣсня:

„Бейте рыжихъ, какъ собакъ,
И французовъ точно такъ“.

V.

На Малаховомъ курганѣ во время веселья являлась обыкновенно и Прасковья Ивановна. Придетъ она, хохочетъ, шутитъ съ офицерами, съ солдатами, всѣмъ, даже генераламъ, говоритъ „ты“.

Прасковья Ивановна была пожилая женщина, большая чудачка, ее считали даже полупомѣшанной. Странностей у нея было очень много; она всѣхъ бранила, хвасталась своими важными знакомствами въ Петербургѣ. Если хотѣла спать, забиралась въ офицерскіе блиндажи и ложилась на чужія койки, такъ что хозяева должны были искать другого мѣста для отдыха. Но она дѣлила съ севастопольцами смертельную опасность, показывала всѣмъ примѣръ отчаянной храбрости, и въ этомъ ея

большая заслуга. Всегда въ короткой, черной юбкѣ и черной кофтѣ, она ходила съ партіями на вылазки, въ бой; перевязывала раненыхъ, какъ умѣла, ухаживала за ними подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Она жила на бастіонѣ безвыходно и находилась на немъ даже во время бомбардировокъ и штурма. Она ѣздила верхомъ по-мужски и являлась къ главнокомандующему безъ зова на обѣдъ и говорила ему „ты".

Однажды онъ ей сказалъ:

— Прасковья Ивановна, я васъ представлю къ ордену за военныя заслуги.

— Ну ладно. Я еще посмотрю, какой ты мнѣ дашь крестъ... Давай хорошій, а то я и не возьму, — отвѣчала своимъ грубоватымъ голосомъ чудачка.

Однажды вечеромъ Прасковья Ивановна сидѣла среди офицеровъ на бастіонѣ. Всѣ были веселы, шутили, смѣялись, пѣли пѣсни.

Вдругъ слышатъ, что летитъ бомба.

—Берегись! Наша!—закричалъ сигнальщикъ.

По звуку всѣ догадались, что она должна упасть близко. Дѣйствительно, она ударилась въ башню и скатилась по направленію къ Прасковьѣ Ивановнѣ.

Каждый старался остеречься, какъ могъ. Кто прилегъ на землю, кто прижался къ траверзу, кто укрылся за фашину... Всѣ, затаивъ дыханіе, ждали страшной минуты. Бомба разорвалась. Опасность миновала и всѣ сбѣжались смотрѣть, что она надѣлала. Двумъ тяжело раненымъ солдатамъ старались подать первую помощь.

— А гдѣ же наша Прасковья Ивановна?— спросилъ кто-то.

— Дѣйствительно, гдѣ она? Была здѣсь сію минуту?!

Бросились на поиски. Скоро прибѣжалъ одинъ солдатъ и проговорилъ:

— Вотъ и нашу Прасковью Ивановну убило... Это кусокъ ея платья... Я знаю... Царство ей небесное!

Въ рукахъ солдата былъ, дѣйствительно, кусокъ хорошо знакомаго чернаго платья... Всѣ перекрестились. Всѣмъ стало грустно.

Дѣйствительно, далеко отъ того мѣста, гдѣ сидѣла бѣдная женщина, нашли ея изуродованное, едва узнаваемое тѣло, разорванное на куски. Вѣроятно, бомба лопнула передъ нею еще во время полета и осколками отнесла несчастную такъ далеко.

Миръ праху ея! Она кровью запечатлѣла свое служеніе отечеству.

VI.

Привыкнувъ къ выстрѣламъ, не страшась смерти, севастопольскіе герои въ минуты передышки изобрѣтали себѣ на бастіонахъ разныя развлеченія. Вдругъ на одномъ валу появится мельница, на другомъ — солдатъ, вертящійся по вѣтру, или выставятъ фуражку на палкѣ. Бывало, какъ появится такая забава, такъ и посыплются выстрѣлы изъ непріятельскихъ траншей. Солдаты хохочутъ, а французы или англичане тѣшатся до тѣхъ поръ, пока не собьютъ выставленной фигуры. Если черезчуръ много сыплется выстрѣловъ, придетъ начальникъ и велитъ убрать, проговоривъ:

— Будетъ, ребята... Натѣшились. Зря не надо становиться подъ выстрѣлы.

Очень часто при удачномъ вѣтрѣ въ сторону непріятеля, солдаты выпускали гигантскій бумажный змѣй. Раскрашенный змѣй съ огромнымъ краснымъ кулакомъ или съ повѣшеннымъ, снабженный гремучимъ хвостомъ, взвивался высоко въ небѣ, поддразнивая фран-

цузовъ. Рычащій змѣй на тонкой бечевкѣ медленно спускался надъ непріятельскими траншеями. Вотъ-вотъ онъ готовъ уже сдѣлаться добычей непріятеля. И вдругъ снова, съ усиленнымъ рычаньемъ, змѣй летитъ вверхъ. Солдаты громко хохочутъ. Эта невинная забава занимала всѣхъ. Французы открывали по змѣю усиленную ружейную пальбу, отъ которой израненный змѣй, теряя ратновѣсіе, держаться въ воздухѣ не могъ; или онъ еле-еле ковылялъ, пробираясь домой; либо съ отбитымъ хвостомъ, завертѣвшись, какъ угорѣлый въ воздухѣ, падалъ внизъ, а затѣмъ уже собиралась бечевка.

Однажды французы перебили пулей веревку и змѣй, колыхаясь въ разныя стороны, какъ бы нехотя очутился въ плѣну у непріятеля. Весь бастіонъ былъ огорченъ. Даже начальникъ батареи шуткой упрекнулъ своихъ солдатъ:

— Эхъ, ребята... Нехорошо, что змѣя въ плѣнъ отдали!

— Что и говорить, очень даже обидно, ваше благородіе. Они, проклятущіе, бечеву ему перестрѣлили, — отвѣтилъ какой-то смѣльчакъ.

— Небось!.. Не горюй!.. Ужо пойдемъ на вылазку выручимъ,—подхватилъ чей-то спокойный голосъ.

На каждомъ почти бастіонѣ были свои любимцы изъ животныхъ: одинъ офицеръ держалъ въ клѣткѣ голубей; солдаты няньчились съ кошками и котятами. На 3-мъ бастіонѣ жилъ ручной орелъ. Орла этого, вѣчно сидѣвшаго на видномъ мѣстѣ, любили всѣ. Солдаты и ласкали его, и дразнили, и приносили ему куски говядины. На батареѣ Шварца былъ знаменитый пѣтухъ. Его прозвали Пелисей *). Однажды лопнувшая бомба такъ напугала пѣтуха, что онъ съ громкимъ крикомъ перелетѣлъ черезъ валъ и скатился въ ровъ. Недолго думая, молодой матросъ бросился спасать пѣтуха. Не обращая вниманія на сыпавшіяся пули, онъ вскочилъ въ амбразуру и, подобно пѣтуху, тѣмъ же путемъ покатился въ ровъ. Французы, увидя изъ своихъ траншей эту продѣлку, прекратили огонь и захлопали въ ладоши. „Пелисей“ былъ спасенъ. Онъ долго еще расхаживалъ по батарейной площадкѣ, забавляя солдатъ въ ихъ однообразной жизни.

---

*) Въ честь французскаго главнокомандующаго Пелисье.

Подобный же случай былъ и съ зайцемъ.

Былъ май мѣсяцъ. Передъ третьимъ бастіономъ сидѣла команда штуцерныхъ Камчатскаго егерскаго полка.

— Гляньте, ребята... Что такое катится мимо!—крикнулъ кто-то.

Кузнецовъ съ зайцемъ

— Ничего не катится... Аль ослѣпъ?

— Заяцъ бѣжитъ...—отвѣтилъ другой.

— А вотъ я его употчую.

Молодой егерь Кузнецовъ выстрѣлилъ. Заяцъ былъ убитъ. Онъ оказался между нашими и непріятельскими ложементами.

Изъ англійскихъ ложементовъ слышался смѣхъ.

Ефимъ Кузнецовъ перекрестился и, схвативъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и побѣжалъ къ убитому зайцу. Наши и англичане забыли на мгновеніе перестрѣлку, высунулись изъ ложементовъ и смотрѣли на удальца.

Кузнецовъ схватилъ зайца за заднія ноги, поднялъ ружье на изготовку и сталъ отходить задомъ къ своимъ ложементамъ.

Даже спокойные англичане не удержались. Громко захлопали въ ладоши и закричали „ура“. Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку и показалъ зайца врагамъ. Затѣмъ бросился бѣжать во-свояси.

Головы опять спрятались и закипѣла перестрѣлка.

— Убилъ зайца... Не бросать же звѣря,— сказалъ Кузнецовъ и отнесъ зайца командиру полка. Тотъ далъ удалому стрѣлку за это денегъ и офицеры прибавили отъ себя.

VII.

Въ теченіе дня на бастіонахъ, на Малаховомъ курганѣ непремѣнно побываютъ Истоминъ, Тотлебенъ, Нахимовъ, Остенъ-Сакенъ, ободрятъ, утѣшатъ, пошутятъ.

Среди тяжелой дневной работы, которая кипитъ, какъ въ муравейникѣ, вдругъ весь бастіонъ зашевелится, прихорашивается, подтягивается, хочетъ казаться молодцоватѣе.

— Вонъ отецъ нашъ родимый ѣдетъ.

— Павелъ Степановичъ ѣдетъ.

Громкое, радостное „ура" встрѣчаетъ обожаемаго адмирала, гордость и славу и всѣ надежды черноморцевъ.

Верхомъ на казацкой лошади, съ нагайкою въ рукѣ, всегда при шпагѣ и генеральскихъ эполетахъ (чиномъ ниже и про которые говорили черноморцы, что они старѣе Чернаго моря) на флотскомъ сюртукѣ. Шапка сдвинута на затылокъ. Панталоны безъ штрипокъ сбились у колѣней, изъ-подъ нихъ выглядываетъ бѣлье. Но адмиралъ Нахимовъ не обращалъ вниманія на такія мелочи. Остановившись у подошвы ба-

оннаго кургана, онъ слѣзалъ съ лошади, оправлялъ панталоны и шелъ пѣшкомъ на бастіонъ.

— Павелъ Степановичъ! Павелъ Степановичъ!—радостнымъ шумомъ пробѣгаетъ среди матросовъ. Всѣ флотскіе охорашиваются, подтягиваются, желаютъ молодцоватѣе показаться знаменитому адмиралу, герою Синопа.

— Здравія желаемъ, Павелъ Степановичъ! Все ли здорово?!—выкрикнетъ какой-нибудь смѣльчакъ изъ группы матросовъ, привѣтствуя своего любимаго, не спесиваго командира.

— Здорово, Грядка! Какъ видишь,—добродушно отвѣтитъ Павелъ Степановичъ, слѣдуя дальше.

— А что Синопъ забылъ?—спрашиваетъ онъ другого.

— Какъ можно забыть! Помилуйте, Павелъ Степановичъ! Небось и теперь турокъ почесывается!—усмѣхается матросъ.

— Молодецъ!—замѣтитъ Нахимовъ и потреплетъ иного молодца по плечу.

Онъ начинаетъ простой, дружескій разговоръ съ офицерами, съ матросами, спрашиваетъ о нуждахъ, выслушиваетъ разсужденія даже матросовъ. И если эти разсужденія толковы, то съ довольнымъ видомъ приговариваетъ:

— Такъ, такъ... Вѣрно! Молодецъ.

Если же замѣчанія неосновательны, то Павелъ Степановичъ, вспыливъ, говорилъ:

— Пустяки! Не вѣрно! Ну и дуракъ... Какъ ты смѣлъ занимать вниманіе начальства?

Офицеры и матросы шли къ Нахимову, какъ къ отцу родному. Они знали, что Павелъ Степановичъ за нихъ заступится, поможетъ во всемъ, отдавъ послѣдній рубль. Особенно трогательно заботился адмиралъ о раненыхъ: посѣщалъ ежедневно, посылалъ сладости, фрукты. И не было въ Севастополѣ ни одного даже мальчика, который бы не зналъ и не любилъ этого святого человѣка.

Такова была жизнь на бастіонахъ славныхъ защитниковъ Севастополя. Семья этихъ богатырей изо дня въ день рѣдѣла, но духъ крѣпчалъ. Тотъ, кто не видѣлъ собственными глазами, тотъ, кто не переживалъ ужасовъ осады, повѣритъ съ трудомъ, чтобы твердость и мужество могли такъ безпрестанно, такъ повсемѣстно проявляться, какъ они проявлялись въ защитникахъ Севастополя. Тутъ нельзя упомянуть про одного, другого храбреца... Нѣтъ, тутъ надо говорить про цѣлыя роты, полки, про весь Черноморскій флотъ.

Изо дня въ день вереницы солдатъ съ безмятежнымъ спокойствіемъ медленно носили ушаты съ кашицей на бастіоны, возвращались съ пустыми котелками. Кругомъ безпрерывно жужжали, какъ пчелы близъ улья, штуцерныя пули, поминутно падали ядра, лопались бомбы. Безпрестанно падали и люди.

Наши фурштаты изо дня въ день съ непоколебимою твердостью возили на бастіоны воду, снаряды, порохъ, туры, фашины подъ огнемъ непріятельскимъ.

Тащится полуфурокъ на тройкѣ замученныхъ лошаденокъ. Невдалекѣ лопнула бомба и осколокъ убилъ коренную; пристяжныя шарахнулись въ сторону и изорвали сбрую. Что дѣлать бѣдному фурштату? Съ бранью и проклятіями выпрягаетъ онъ несчастную лошадь; проходящіе земляки помогаютъ ему оттащить ее въ сторону; кое-какъ ладятъ они изорванную упряжь, запрягаютъ въ корень испуганную пристяжную, перекладываютъ на нее и хомутъ съ убтиой лошади.

Между тѣмъ, снаряды носятся по всѣмъ направленіямъ, нѣсколько штуцерныхъ пуль уже успѣли влѣпиться въ грядку полуфурка,

а бомба, опять лопнувшая вблизи, ранила осколкомъ въ голову одного изъ земляковъ и чуть было не разметала и колесницу и вожатаго. Онъ только перекрестился и продолжаетъ на парѣ свой опасный путь до бастіона. Тамъ, подъ смертоноснымъ огнемъ, снимутъ съ полуфурка предметы, имъ привезенные, или нагрузятъ повозку убитыми, или посадятъ трехъ-четырехъ раненыхъ и прикажутъ отвезти въ Доковый госпиталь. Оттуда онъ опять потащитъ что-нибудь на бастіонъ. И такъ цѣлый день, иногда и цѣлую ночь. Некогда напоить и накормить измученныхъ лошадей.

Вотъ медленно, шагъ за шагомъ, тянутся гуськомъ солдаты съ тяжелыми мѣшками земли за плечами. Падаетъ бомба. Бомба шипитъ; дымится, сейчасъ лопнетъ... Солдаты прижались съ мѣшками къ траверзу и ждутъ... Мѣшки давятъ имъ спины.

— Да ну же, лопайся, проклятая,—скажетъ кто-либо изъ нихъ.

Бомба лопнула. Одинъ товарищъ упалъ и не встанетъ болѣе. А другіе потащили свои мѣшки на указанное мѣсто, отряхиваясь отъ пыли и земли, ихъ осыпавшей.

Такихъ случаевъ были тысячи. Такъ мужественно, грудью, отстаивали севастопольцы свою родину. Эти событія, эти подвиги героевъ севастопольскихъ должны явиться во всемъ величіи передъ отечествомъ, должны заслужить любовь и удивленіе потомковъ.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

(Очерки изъ обороны Севастополя.)

ДЛЯ ДѢТЕЙ и НАРОДА.

СОСТАВИЛА

Клавдія Лукашевичъ.

Изданіе 2-е.

МОСКВА.
Тип. Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. домъ.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 24 апрѣля 1904 года.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

ВТОРОЕ БОМБАРДИРОВАНІЕ.

кихъ уже нѣтъ! Только твердыни севастопольскія еще держатся... Но удержатъ ли ихъ слабѣющія руки, порѣдѣвшіе ряды?..

Въ тотъ годъ Пасха приходилась у насъ и у католиковъ въ одно число. Какъ будто Само Провидѣніе указывало, что знаменіе креста должно связывать воедино всѣхъ христіанъ между собою. А между тѣмъ, въ пылу борьбы и злобы два христіанскіе народа, казалось, забыли ученіе Спасителя и шли съ поклонниками Магомета противъ тѣхъ, которые защищали Церковь Христову.

Наступили дни Страстной недѣли, и многострадальный городъ свято отбывалъ дни страданій и крестной смерти Искупителя. На бастіоны и батареи несли плащаницы, ставили ихъ въ походныхъ церквахъ и въ теченіе всей недѣли совершали службу.

За нѣсколько дней до праздника нашъ офицеръ ѣздилъ парламентеромъ къ союзникамъ и спросилъ французскаго траншей-майора:

— Кажется, нынче у насъ съ вами Свѣтлое Христово Воскресенье приходится въ одно число?

— Да... Прямое указаніе, что слѣдуетъ провести эти дни миролюбиво, — отвѣтилъ французъ.

— Неужели же мы будемъ драться въ эти святые дни? — спросилъ нашъ офицеръ.

Французъ ничего не отвѣтилъ, онъ поникъ печально головой и промолчалъ, но лицо выдавало его грусть. Онъ зналъ, что соотечественники его назначили провести Пасху не по-христіански.

Наступилъ четвергъ Страстной недѣли. Севастопольцы всѣ, кто только могъ и былъ въ силахъ, спѣшили помо-

литься. Уцѣлѣвшіе церкви, блиндажи, бастіоны, Александровскія казармы были переполнены молящимися. Всѣ съ благоговѣйнымъ трепетомъ слушали чтеніе „Страстей Господнихъ“.

Въ Александровскихъ казармахъ служба совершалась въ огромной комнатѣ, гдѣ стоялъ аналой съ Евангеліемъ, два большихъ подсвѣчника съ сотнями мелкихъ свѣчей, затепленныхъ на трудовые гроши храбрыхъ воиновъ и страдальцевъ раненыхъ. Читалось пятое евангеліе... Вдругъ по всей оборонительной союзной

линіи заревѣли выстрѣлы... Многіе офицеры и солдаты съ сокрушеннымъ сердцемъ покидали святой пріютъ, гдѣ такъ пламенно молились въ эти минуты, и спѣшили на свои кровавые посты. Громъ орудія сливался со святыми словами евангелія, читавшагося во всѣхъ углахъ Севастополя. Этотъ ревъ пушекъ и свистъ ядеръ гнетомъ ложился на душу.

Одинъ изъ участниковъ обороны говорилъ:

— Тяжело было тогда. Хотѣлось плакать и молиться...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлось мстить... и драться...

Англичане въ это время пытались два раза овладѣть нашими ложементами и пробраться на 2 бастіонъ, но были отбиты съ большими потерями. Они усилили огонь, и канонада, перейдя на городъ, не умолкала цѣлый день.

Наступилъ канунъ праздника. Въ шесть часовъ утра во всѣхъ походныхъ церквахъ, на бастіонахъ и батареяхъ совершалось погребеніе плащаницы. Канонада не умолкала ни на минуту.

На Малаховомъ курганѣ

служба происходила въ нижней половинѣ башни—въ блиндажѣ. Вершина ея давно уже была снесена непріятельскими ядрами. Въ блиндажѣ нужно было пробираться почти ползкомъ по темному длинному коридору съ колоннадой дубовыхъ столбовъ по сторонамъ. Тамъ, вдали, въ глубинѣ виднѣлась плащаница съ ярко горѣвшими передъ ней свѣчами. Въ углу висѣли образа. Хоръ пѣвчихъ трогательно пѣлъ: „Слава въ вышнихъ Богу"... Молящіеся, разныхъ чиновъ и званій, приходили, прикладывались къ плащани-

цѣ, отходили въ сторону и скрывались въ полумракѣ. Длинный коридоръ блиндажа напоминалъ кіевскія пещеры. Чувство глубокаго умиленія наполняло душу каждаго при видѣ святой плащаницы, Евангелія, напрестольнаго креста и образовъ Божіей Матери, Спасителя и Николая угодника. Горячо молились воины. Многіе были оторваны отъ далекой родины. Подъ тихое пѣніе молитвы: „Святый Боже", плащаницу понесли вокругъ блиндажа. Молящіеся съ зажженными свѣчами въ рукахъ вышли на площадку.

Вдругъ въ это мгновеніе раздался непріятельскій выстрѣлъ и ядро пролетѣло надъ головами. Всѣ съ болью въ сердцѣ перекрестились. По счастью, ядро пронеслось мимо и упало за брустверъ.

Затѣмъ хотя изрѣдка, но непріятель продолжалъ стрѣлять, святотатственно нарушая великіе дни. Слѣдовало дать намъ возможность провести эти дни безмятежно въ молитвѣ у гроба Христа, у котораго и имъ надлежало стоять со слезами, особенно въ эти минуты, когда всѣ кругомъ готовились лечь въ гробъ.

По окончаніи службы всѣ жители, какъ въ Севастополѣ, такъ и воины на бастіонахъ, готовились, по рускому обычаю, радостно, мирно, торжественно встрѣтить Свѣтлый праздникъ. Работы всѣ были пріостановлены, развѣ только крайне необходимыя. На бастіонахъ, на батареяхъ было замѣтно необыкновенное оживленіе: тамъ все усердно чистилось и прибиралось. Площадки, мѣста у орудій, входы въ блиндажи солдаты съ метлами, съ лопатами усердно очищали отъ мусора и черепковъ и все посыпали пескомъ.

Въ комнатахъ, въ походныхъ кухняхъ дѣлали пасхи, красили яйца, мѣсили куличи. Готовились встрѣтить праздникъ, какъ Богъ послалъ. Нельзя дома—такъ на своемъ славномъ посту у орудій.

По всѣмъ направленіямъ Севастополя, подъ выстрѣлами орудій, женщины и дѣти толпами спѣшили на бастіоны. Съ узелками въ рукахъ, не страшась выстрѣловъ, перегоняя другъ друга, перекидываясь шутливыми словами, они несли своимъ роднымъ матросамъ куличи, пасхи, яйца, чистую одежду,—кто что могъ

собрать. Бѣжали туда не только родные и ближніе, но и чужіе, чтобы подѣлиться въ Свѣтлый день со своими героями-защитниками чѣмъ Богъ послалъ.

Наступила полночь. Среди ночной тишины, нарушаемой зловѣщимъ гуломъ орудій и постоянной трескотней ружейныхъ выстрѣловъ, прозвучалъ благостный призывъ колоколовъ къ молитвѣ. Улицы наполнились народомъ. Всѣ спѣшили въ освѣщенные храмы. Надъ тихой бухтой ярко горѣли огоньки во всѣхъ окнахъ Александровскихъ казармъ. На

противоположной сторонѣ сіяла огнями церковь Петра и Павла. Толпы народа съ зажженными свѣчами тѣснились внутри и огненной рѣкой волновались снаружи, окружали городскіе храмы и госпитальную церковь на Сѣверной. Цѣлые ряды куличей и пасокъ съ зажженными передъ ними свѣчами ожидали освященія. Ночь была тихая, звѣздная, теплая.

Вдали, вокругъ города, въ темныхъ траншеяхъ, въ ложементахъ и въ секретахъ, воины, заслышавъ благовѣстъ, творили благоговѣйно крест-

ное знаменіе и произносили:

— „Христосъ воскресе!“

Съ наступленіемъ праздника на бастіонахъ зажглись у иконъ свѣчи. Солдаты и матросы горячо молились передъ ними. Тепла была молитва славныхъ защитниковъ вдали отъ родной семьи. На это время они забыли всякую опасность.

По окончаніи церковной службы духовенство было приглашено отслужить молебны у бастіонныхъ и батарейныхъ образовъ. Въ ожиданіи священника бастіоны смотрѣли по-праздничному: блиндажи были

убраны, лафеты и платформы вымыты, вычищены, и возлѣ разставленныхъ куличей толпились люди, одѣтые въ чистые мундиры. Въ отдаленіи стояли жены, матери и дѣти защитниковъ, пришедшія похристосоваться и вмѣстѣ встрѣтить праздникъ. Отъ времени до времени раздавались выстрѣлы, пролетали надъ головами бомбы, подъ звуки ихъ слышались молитвы и церковное пѣніе священниковъ. Съ крестомъ въ рукахъ и съ сосудомъ святой воды пастыри обходили ряды солдатъ и, окропляя ихъ святой водой,

христосовались и поздравляли съ праздникомъ.

По окончаніи службы всѣ стали разговляться: офицеры въ блиндажахъ, солдаты—подъ открытымъ небомъ, благо южная ночь была тепла. Матросы дружно и сердечно дѣлились съ пѣхотинцами каждымъ кускомъ, отдавая имъ лучшій. Матросы были дома. Жены и матери имъ нанесли всего, чтобы разговѣться и встрѣтить весело праздникъ. А пѣхотинцы были тутъ пришлые, вдали отъ родины, и некому было о нихъ позаботиться. Оттого-то сжившіеся съ ними матросы

такъ по-братски и одѣляли ихъ.

Офицеры Малахова кургана встрѣчали праздникъ въ блиндажѣ, возлѣ самыхъ орудій. Тѣсенъ былъ блиндажъ, да радушенъ хозяинъ. Все его помѣщеніе состояло въ ямѣ, вырытой подъ однимъ изъ траверзовъ, около сажени глубиною, шаговъ семь въ длину и столько же въ ширину. Яма эта земляной стѣной раздѣлялась на двѣ части: одна—для офицеровъ, другая—для нижнихъ чиновъ. Толстый накатникъ на столбахъ поддерживалъ земляной потолокъ блин-

дажа; двѣ доски, съ прибитыми къ нимъ поперечными брусьями, носили морское названіе „трапа“ и замѣняли лѣстницу.

Тусклая свѣча озаряла это убогое жилище. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ. Вдоль стѣнъ стояли скамейки, служившія и для сидѣнья и для спанья. Коверъ и подушка на нарахъ да небольшой столикъ, покрытый чистой скатертью, составляли все убранство блиндажа. На столѣ стояли куличъ, пасха, яйца, пасхальная закуска, какую удалось купить у пріѣзжаго маркитанта.

Тѣсно и незатѣйливо было въ эти дни въ блиндажахъ... Но всѣ эти люди чувствовали себя близкими родными. Ихъ соединяло общее святое дѣло, общія опасности и общее горе. Говоръ, шумъ, поздравленія, а порою и звонкій молодой смѣхъ слышались въ блиндажахъ... Забыты были въ праздникъ страданія, опасности и грозная дѣйствительность.

Первый день праздника прошелъ спокойно и весело. День поднялся жаркій, ясный. Небо было голубое. Въ воздухѣ пахло весной. На бастіонахъ собра-

лись кружки, появились музыканты, послышались звуки скрипки, гармоники, балалайки. Солдаты пѣли пѣсни, угощались, плясали. Пляска сдѣлалась общей и выражала собою удаль и беззаботность, которыя свойственны свѣтлой, благодушной душѣ русскаго солдата. Забыты всѣ печали, обиды, усталость, пушки и бомбы, весело пляшутъ и молодые и старые, стараясь выкинуть ногами похитрѣе выкрутасы. Русская душа нараспашку! Просто и искренно веселье, и солдатъ отдаетъ

другу и гостю все, что есть за душой.

Въ городѣ цѣлый день на улицахъ царило оживленіе: толпы народа, одѣтаго по-праздничному, сновали взадъ и впередъ. Вечеромъ на бульварѣ даже игралъ хоръ военной музыки. Гуляющіе покрывали весь бульваръ и тѣснились къ музыкантамъ. Тутъ было много женщинъ и дѣтей.

Хотя въ непріятельскихъ траншеяхъ и въ этотъ Свѣтлый праздничный день ружейный огонь не умолкалъ ни на минуту, но никто не предполагалъ ничего опаснаго. Ни-

кто не допускалъ даже мысли, чтобъ англичане или французы нарушили святость праздника. Хотя съ нашихъ бастіоновъ и замѣчали большое движеніе въ лагеряхъ союзниковъ, но всѣ скорѣе предполагали, что это было праздничное гулянье.

Жители Севастополя уснули съ полной надеждой встрѣтить второй день Свѣтлаго праздника такъ же весело, какъ они встрѣтили и провели первый день. Но ожиданія ихъ не сбылись. Ночью погода неожиданно измѣнилась. Пошелъ дождь, стало холодно, поднял-

ся вѣтеръ. Съ моря налетѣлъ туманъ и застлалъ всю окрестность. Дождь зарядилъ, какъ изъ рѣшета, и при сильномъ порывистомъ вѣтрѣ хлесталъ неумолчно по убогимъ пріютамъ солдатъ. На разсвѣтѣ, при пробужденіи, солдаты слышали въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ какой-то шумъ, но за туманомъ нельзя было видѣть, что тамъ происходитъ, но можно лишь было догадаться, что союзники къ чему-то готовятся.

Въ 5 часовъ утра, 28 марта, съ непріятельскаго корабля взвилась сигнальная ракета

и вслѣдъ за тѣмъ союзники открыли страшный огонь по всѣмъ нашимъ укрѣпленіямъ сразу.

То было второе бомбардированіе.

При первыхъ звукахъ выстрѣловъ адмиралъ Нахимовъ и другіе начальники были уже на бастіонахъ. Павелъ Степановичъ, по обыкновенію, лѣзъ туда, гдѣ было всего жарче, всего опаснѣе.

— Дай Богъ, чтобы только нашъ драгоцѣнный адмиралъ остался живъ! Спаси, Господи, его! Тогда и Севастополь устоитъ,—молились и думали всѣ.

Одинъ изъ защитниковъ писалъ вотъ что: „Всѣ дрожатъ за жизнь Нахимова... Мнѣ попалась дѣловая записка одного лейтенанта, писанная товарищу съ бастіона. Въ концѣ записки стояло слѣдующее: „Молись за Нахимова. Онъ попрежнему слишкомъ много себя выставляетъ“.

Нахимовъ никогда не думалъ о себѣ, отдавая свою жизнь цѣликомъ защитѣ родного города. Цѣлые дни оставался онъ подъ огнемъ и не слушалъ ничьихъ увѣщаній.

Грозно-величественную картину представляли бастіоны

во время бомбардированія. Нѣтъ возможности передать, что это было. Самую ужасную изъ бурь съ сильнѣйшимъ градомъ нельзя сравнить съ тѣмъ неистовымъ, учащеннымъ артиллерійскимъ огнемъ, которымъ непріятель заметалъ ядрами бастіоны. Надъ головами были чугунныя облака. Становилось темно отъ массы снарядовъ. Ядра, какъ резиновые мячики, прыгали по улицамъ. Стонъ, ревъ, трескъ потрясали всѣ дома и постройки города. Оконныя рамы ходуномъ ходили въ домахъ, стекла разлетались вдребезги,

внутри домовъ отлетала штукатурка, падали вещи. При первыхъ выстрѣлахъ женщины и дѣти бросились къ пристани, чтобы переправиться на Сѣверную сторону. Оставшіеся безъ крова и пріюта прятались въ подвалахъ и во рвахъ. Ужасныя сцены происходили на улицахъ: здѣсь сынъ и дочь, спасаясь отъ бомбардировки, тащатъ на рукахъ больного и безногаго отца; тамъ женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ бѣжитъ и волочетъ за собою еще двоихъ, едва поспѣвающихъ за нею... Старухи бѣ-

гутъ, падаютъ, подымаются и опять падаютъ... По улицамъ кровавой цѣпью тянутся раненые и носилки съ ранеными. Это самое мучительное зрѣлище обороны. Повсюду слышны возгласы: „Господи, помилуй! Господи, защити! Хуже ада кромѣшнаго!.. Свѣтопреставленіе!..“

Отряды войскъ двигались въ полномъ порядкѣ; скакали офицеры съ приказаніями; ѣхали повозки и фуры съ водой, съ турами, со снарядами и другими предметами, необходимыми для батарей и бастіоновъ.

Страшный дождь промочилъ солдатъ на бастіонахъ до костей. Густой туманъ, вмѣстѣ съ дождемъ и тучами порохового дыма, задернулъ весь горизонтъ. Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей, стоны и мольбы страданій — все сливалось въ одинъ непрерывный гулъ, котораго описать невозможно словами человѣческими. Суматоха передъ глазами, дымъ и огонь въ отдаленіи, огни бомбъ на небѣ, невыносимый звонъ въ ушахъ и тягостное, мучительное ожиданіе въ сердцѣ— вотъ ощущенія, которыя ис-

пытывалъ въ этотъ день каждый защитникъ многострадальнаго города.

И такихъ дней было не одинъ, не два, а цѣлыхъ девять. Всю Святую недѣлю громили союзники Севастополь. Какъ онъ, богатырь, устоялъ—уму непостижимо! Не укрѣпленія, конечно, а живыя стѣны богатырей русскихъ отстояли тогда родную твердыню. Подобная оборона возможна только съ русскимъ солдатомъ. Его желѣзное, терпѣливое мужество не знало предѣловъ. День за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, въ постоянныхъ трудахъ и

лишеніяхъ смотрѣлъ онъ смерти прямо въ глаза. Тутъ нужно было постоянное геройство, не знающее ни отдыха, ни устали, ни завтрашняго дня. Къ числу такихъ героевъ-богатырей принадлежалъ каждый изъ защитниковъ Севастополя.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ШТУРМЪ
МАЛАХОВА КУРГАНА
27 августа 1855 года.

„Есть невозможное и для героевъ“.
(*Слова императора Александра II*).

СОСТАВИЛА

Клавдія Лукашевичъ.

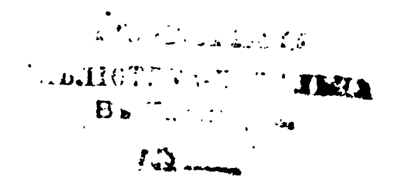
Изданіе второе.

Министерств. Нар. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. д.

Москва.—1904.

Дозволено цензурою. Москва, 24 апрѣля 1904 г.

Штурмъ Малахова кургана 27 августа 1855 года.

„Есть невозможное и для героевъ“.
(*Слова императора Александра II.*)

Пробилъ часъ Севастополя... Это было 27 августа 1855 года. Послѣ трехъ дней страшнѣйшей канонады союзники вдругъ утромъ умолкли. Это было затишье передъ страшной грозой.

Наши измученныя, истомленныя войска въ ночь на 27-е стояли наготовѣ. Въ двѣнадцатомъ часу дня имъ дали передышку,

и большая часть ихъ ушла обѣдать.

Ровно въ 12 часовъ всѣ непріятельскія батареи сверкнули огнями выстрѣловъ и разразились оглушительными залпами. Это былъ сигналъ. Еще не успѣли снаряды полопаться, какъ раздались смутные крики, бой барабановъ, сигнальные рожки...

Вотъ что пишетъ участникъ этихъ дней, адъютантъ штаба Алабинъ:

„Около 12 часовъ вбѣгаетъ ко мнѣ писарь, блѣдный, какъ полотно, съ крикомъ: „Ваше благородіе, ваше благородіе,

идутъ, идутъ!..“ Сердцемъ понявъ его слова, я выскочилъ изъ балагана. Моему ли перу передать увидѣнное мною въ этотъ моментъ?.. Будто въ смертной агоніи, трепеталъ Севастополь. Потоки пламени лились изъ него; казалось, растопились камни его развалинъ и устремились перунами на врага. На мгновеніе распахнулись сѣрые клубы пыли, вздымаемой сильнымъ вѣтромъ, смѣшавшіеся съ тучей чернаго дыма пароходовъ и батарей, съ дымомъ пожара на Екатерининской, и явилась картина страшнаго боя. Вотъ второй бастіонъ... Господи! Онъ

уже въ рукахъ французовъ! Наши отступаютъ, бѣгутъ; преслѣдованіе быстро, жарко... Подбѣгаютъ ко второй оборонительной линіи... Ревётъ наша восемнадцатипушечная, реветъ первый бастіонъ, реветъ парижская батарея...

„Врагъ валится рядами, но остальные, ежеминутно увеличиваясь въ числѣ, бѣгутъ дальше и дальше. Французы уже заняли вторую оборонительную линію съ ея Ушаковой батареей.

„Но вотъ, какъ вихрь, гонящій прахъ равнины, несется наша легкая батарея. На всемъ скаку орудіе долой съ передковъ,

картечный выстрѣлъ... и напоръ французовъ остановленъ, толпы ихъ пошатнулись; несется другой выстрѣлъ... Орудіе за орудіемъ подскакиваетъ, летитъ картечный выстрѣлъ за выстрѣломъ, и французы опрокинуты. Вторую стѣнку заняла наша легкая артиллерія-спасительница и провожаетъ картечью отступающихъ"...

Вотъ что пишетъ другой участникъ этого дѣла, защитникъ четвертаго бастіона, Корженевскій:

„Настала послѣдняя рѣшительная пауза! По сигналу о штурмѣ, въ одинъ мигъ мы были на стѣнѣ, и по командѣ

дышавшаго отвагой полковника Зеленаго дождь пуль, вперемежку съ градомъ картечи, полетѣлъ съ нашей стороны навстрѣчу французовъ, показавшихся изъ траншей, дерзновенно посягавшихъ на нашу омытую кровью святыню— четвертый бастіонъ. Уже перекладывались въ непріятельскихъ траншеяхъ мосты, показывались штурмовыя лѣстницы, и французы въ синей одеждѣ и красныхъ панталонахъ съ крикомъ стремились лавою на насъ. Трудно передать впечатлѣніе этой знаменательной для осажденныхъ минуты...

„Огонь съ нашей стороны былъ убійственно силенъ: ни одинъ французъ не могъ приблизиться къ бастіону. Кто достигалъ оборонительнаго рва, тотъ повисалъ на штыкахъ... И такъ три часа пытались французы овладѣть бастіономъ, и всѣ пали.

„На пятый бастіонъ ворвалась было часть французовъ, человѣкъ 200, но храбрый генералъ Семякинъ и полковникъ Веревкинъ порѣшили ихъ участь штыками. Часа въ четыре пополудни у насъ все утихло и приступъ былъ отбитъ. Только англичане противъ третьяго бастіона не

могли угомониться и пытались овладѣть имъ, но тщетно. Между тѣмъ, увлеченные своимъ дѣломъ, мы не видали и не знали, что творится на Малаховомъ курганѣ. Тамъ, въ дыму грохочущихъ орудій, среди неумолкаемой ружейной пальбы, для насъ, ликовавшихъ побѣду, онъ стоялъ невидимымъ и загадочнымъ. Вдругъ сквозь разсѣявшійся дымъ на развалинахъ башни кургана мы замѣтили развѣвающееся трехцвѣтное французское знамя. На умолкнувшихъ батареяхъ первой линіи его и въ оборонительномъ рвѣ—массы кишащія, какъ въ муравей-

никѣ, французскія войска. Ледянымъ холодомъ обдало сердце! Что жъ это такое?.. Не сонъ ли?.. Да не можетъ быть!

„Господи, неужели правда?.. Что будетъ дальше?..“ раздавались возгласы со всѣхъ сторонъ. Зрительная труба переходила изъ рукъ въ руки. „Авось, отобьютъ“, подсказывало сердце.

„Но не то говорилъ разсудокъ. Каждый убѣдился въ томъ, что насталъ послѣдній часъ грознаго бытія Севастополя. Умолкли голоса. Одно нѣмое отчаяніе сковало душу и языкъ. „Господи! За что жъ это и зачѣмъ мы дожили до

этой ужасной минуты пораженія и униженія побѣжденныхъ... Гдѣ этотъ призракъ славы, о которомъ прежде мечталось среди лишеній, египетскихъ трудовъ, незамѣнимыхъ утратъ?.. Гдѣ все это, изъ-за чего каждый изъ насъ готовъ былъ распяться грудью и умереть съ улыбкой на устахъ?.. Что подумаетъ и скажетъ о насъ наша родимая матушка— Русь православная?..“—вотъ какіе вопросы одолѣвали умъ всѣхъ“.

Между тѣмъ, дѣло въ эти минуты было таково: вслѣдъ за залпомъ тучи непріятелей, мелькавшихъ краснымъ и си-

нимъ цвѣтомъ, бѣжали изъ бывшаго Камчатскаго люнета. Какъ шмели изъ растревоженнаго гнѣзда высыпали они изъ траншей, роями устремились на Малаховъ курганъ и облѣпили его, лѣзли на валъ, становясь другъ другу на плечи и устраивая живую лѣстницу. Завязалась страшная схватка. Непріятель, подъ предводительствомъ храбраго генерала Макъ-Магона и Боске, подкрѣпляемый свѣжими силами (противъ Малахова кургана назначено было 30 тысячъ войска), ободренный криками огромныхъ резервныхъ колоннъ, опрокинулъ все и взо-

брался на курганъ. Тамъ продолжалась неслыханная рѣзня. Французы выбивали штыками нашихъ изъ каждаго траверза, заняли всю верхнюю часть до самой горжи, которую солдаты называли „Чортовой площадкой“.

Главная часть кургана, господствовавшаго надъ Севастополемъ, была уже во власти французовъ, уже развѣвалось французское знамя... Но самая башня еще держалась. Въ ней сидѣли нѣсколько офицеровъ и кучка удальцовъ-солдатъ. Сквозь ружейныя амбразуры неразрушенной части башни и заваленныя двери засѣвшіе

очищали мѣткими выстрѣлами всю площадку передъ исторической башней. Никто не смѣлъ безнаказанно даже пробѣжать мимо нея.

На Малаховомъ курганѣ около полудня люди обѣдали, укрывшись за траверзами и въ разбитыхъ блиндажахъ. На банкетахъ и при орудіяхъ было очень мало людей. Генералъ Буссау собирался раздавать кресты выстроеннымъ нижнимъ чинамъ, какъ вдругъ раздался неожиданно грозный крикъ: „французы! французы! идутъ! идутъ!“

Неслась страшная стремительная туча. Не успѣли опо-

мниться, едва успѣли собраться, какъ дивизія Макъ-Магона устремилась на штурмъ. Зуавы влѣзли на брустверъ раньше, чѣмъ батальонъ Модлинскаго полка успѣлъ занять банкетъ. Мгновеніе... и модлинцы дружно кинулись навстрѣчу зуавамъ.

На курганѣ поднялась страшная суматоха. Изъ нѣкоторыхъ орудій успѣли сдѣлать по одному выстрѣлу. Но амбразуры были уже полны штурмующими. Многіе изъ артиллеристовъ, съ фитилемъ въ рукѣ, пробивались къ своимъ орудіямъ сквозь ряды непріятелей, чтобы сдѣлать хотя выстрѣлъ,

и гибли во множествѣ. Зато, если удавалось поспѣть вовремя и зажечь трубку, сплошная масса живого тѣла, заслонявшая амбразуру, вся поднималась и разбрасывалась по сторонамъ. На мѣстѣ убитыхъ становились новые стрѣлки и зуавы.

Горсть русскихъ храбрецовъ, засѣвшая въ башнѣ, завалила наскоро ходъ. Они рѣшили защищаться до послѣдней крайности и на всѣ требованія французовъ сдаться отвѣчали выстрѣлами. Французы уже заняли курганъ.

Но въ башнѣ еще сидѣли защитники. Это были офицеры:

поручикъ Юни, Данильченко и солдаты. Разставивъ у дверей матросовъ съ абордажными пиками и стрѣлковъ противъ отверстія въ башнѣ, они сыпали въ непріятеля пулю за пулей. Сначала въ пылу жаркаго боя французы не замѣчали, откуда сыплются пули. Они смѣло бѣгали около башни, и всѣ платились жизнью. Но вскорѣ враги замѣтили опасность. Нѣсколько зуавовъ бросились было къ дверямъ башни, но были остановлены пиками матросовъ; пытались было стрѣлять въ двери, но защитники заложили ихъ тюфяками и подушками. Тогда они

рѣшили выкурить ихъ дымомъ. Набросавъ передъ дверьми туровъ, фашинъ и хвороста, французы подожгли костеръ, но скоро сами потушили его изъ боязни, чтобы огонь не сообщился съ пороховымъ погребомъ. Храбрые защитники держались до тѣхъ поръ, пока не разстрѣляли всѣхъ патроновъ, пока французы не подвезли къ входнымъ дверямъ мортиры и не стали бросать въ башню гранаты. Большая часть засѣвшихъ въ башнѣ были перебиты, переранены.

Защитники потеряли надежду на выручку, тогда только поручикъ Юни и его товарищи

рѣшили сдаться. Одинъ изъ засѣвшихъ въ башнѣ выставилъ въ двери ружье съ навязанной на штыкъ своей же рубашкой, которой часть пошла на перевязки ранъ. Французы прекратили огонь. Они думали, что изъ башни выйдетъ, по крайней мѣрѣ, батальонъ. А вышла маленькая горсточка въ 30 человѣкъ. Смѣлыхъ защитниковъ башни взяли въ плѣнъ и отвели на Камчатскій люнетъ.

Между тѣмъ, на Малаховомъ курганѣ происходила невиданная бойня. Шесть тысячъ французовъ лѣзли въ амбразуры, перелѣзали черезъ

валъ и вступали въ рукопашный бой съ модлинцами. Противники перемѣшались между собою, потерявъ сознаніе, поражали другъ друга камнями, деревомъ, душили другъ друга за горло, царапались, кусались въ изступленіи. Прислуга, стоявшая у орудій, дралась банниками, аншпугами, кирками, лопатами, топорами и всѣмъ, что попадалось въ руки. Люди перестали быть людьми и сдѣлались разсвирѣпѣвшими звѣрями. Страшное смертоубійство искало своихъ жертвъ и находило ихъ во множествѣ. Модлинцы дрались отчаянно. Но ихъ было 400 противъ

10.000. Въ началѣ боя они потеряли всѣхъ своихъ начальниковъ и офицеровъ.

На второмъ бастіонѣ и на прочихъ батареяхъ шла та же ожесточенная рѣзня. Укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки. Французы уже достигли Корабельной слободки.

Въ это время прискакалъ генералъ Хрулевъ и остановилъ наступленіе непріятеля. Французы отступили.

Узнавъ, что Малаховъ курганъ взятъ, Хрулевъ поскакалъ туда на своемъ бѣломъ конѣ. 1400 человѣкъ мчалось за нимъ. Къ кургану подбѣ-

жали полки: Ладожскій, Брянскій, Эриванскій.

Хрулевъ бросился въ атаку.

— Благодѣтели, за мной!— крикнулъ онъ и полѣзъ на бастіонъ.

Французы сверху открыли убійственный огонь по наступавшимъ. Пули сплошной стѣной летѣли на нихъ. Минута была страшная. Хрулевъ снялъ со своей груди серебряный крестъ, показалъ его солдатамъ, перекрестился и поцѣловалъ.

Благодѣтели, за мной! Впередъ!—крикнулъ онъ опять своимъ потрясающимъ солдатское сердце голосомъ.

Все рванулось впередъ. Въ это время штуцерная пуля раздробила Хрулеву палецъ. Кровь хлынула фонтаномъ. Зажимая палецъ, превозмогая боль, храбрый генералъ шелъ впередъ, опасаясь показать войскамъ, что онъ раненъ. Передніе ряды падали; выбыли изъ строя уже всѣ офицеры. Начался рукопашный бой прикладами, штыками, каменьями.

— Поддержите меня... Мнѣ... нехорошо...—вдругъ проговорилъ Хрулевъ и, поблѣднѣвъ, упалъ на руки подбѣжавшихъ офицеровъ. Его повели на перевязочный пунктъ, и онъ болѣе не вернулся.

Произошло смятеніе, волненіе, путаница. Войска наши, перемѣшавшись въ одну общую кучу, толпились около Малахова кургана. Они горѣли желаніемъ отбить дорогой курганъ, но не знали, какъ взяться, что дѣлать.

— Ведите насъ въ бой!— кричали одни солдаты, отыскивая глазами предводителей.

— Дайте намъ патроновъ!— кричали другіе.

— Впередъ, ребята!—рвались солдаты и гибли, гибли, какъ мухи.

Но вести ихъ въ бой было некому. Всѣ начальники были или переранены, или убиты.

Наши должны были отступить. Французы открыли по нимъ убійственный огонь. Раненые цѣлыми толпами брели и ползли на перевязочные пункты.

У подножія Малахова кургана четыре безстрашныхъ женщины, подъ страшнымъ штуцернымъ огнемъ, разносили квасъ и воду и подавали первую помощь раненымъ. Одна изъ нихъ была убита; другая была ранена, но не переставала оказывать свою святую помощь.

Главнокомандующій приказалъ прекратить бой. Бой этотъ, жаркій и неравный, все-таки

доставилъ новую славу севастопольцамъ. Изъ 12 атакъ 11 было отбито. И только занятіе Малахова кургана было удачно для союзниковъ и такъ гибельно для насъ. Самое занятіе было слѣдствіемъ превосходства непріятельскихъ силъ. Взять его обратно не было возможности. Около Малахова кургана собралось 30 тысячъ войска союзниковъ. Во всемъ же Севастополѣ оставалось не болѣе 20 тысячъ измученнаго гарнизона.

Пробилъ послѣдній часъ грознаго бытія Севастополя. Настала неизбѣжная минута его славнаго паденія.

Приказано было войскамъ оставить Севастополь и отступать на Сѣверную сторону.

Долгое время никто не хотѣлъ этому вѣрить. Офицеры говорили солдатамъ, что они идутъ отдыхать на Сѣверную сторону и что черезъ день будетъ новая атака въ открытомъ полѣ. Защитникамъ Севастополя казалось невозможнымъ оставить, отдать безъ боя свою родную колыбель, возрастившую и закалившую въ пороховомъ дыму стольких героевъ. Они всѣ давно рѣшили погибнуть на развалинахъ Севастополя. И вдругъ велятъ уйти, оставить, усту-

пить Малаховъ курганъ... этотъ священный холмъ, облитый и упитанный кровью столькихъ славныхъ богатырей русскихъ. Не зная, что будетъ дальше, чего ожидать, на что надѣяться, севастопольцы съ грустью, съ нѣмымъ отчаяніемъ покидали Севастополь, поминутно оглядываясь на дорогія развалины, не отрывая затуманенныхъ слезами глазъ отъ бастіоновъ, гдѣ они, казалось, видѣли все пережитое, прошлое и незабвенныя великія тѣни.

Вотъ слова одного изъ очевидцевъ этихъ послѣднихъ минутъ:

„Дежурный по полку забѣжалъ къ намъ въ блиндажъ и, съ таинственнымъ выраженіемъ приблизившись къ полковнику Шумакову, что-то шепнулъ ему на ухо. Послѣдній вытаращилъ глаза и подскочилъ на своемъ мѣстѣ. „Быть не можетъ!.. Что вы говорите?..“ воскликнулъ онъ.— „Да!.. Это такъ!“ былъ отвѣтъ. Мы не могли догадаться, въ чемъ дѣло. Полковникъ Шумаковъ всталъ и ушелъ. Вошедшій таинственно передалъ намъ слѣдующее: „Да будетъ вамъ извѣстно, господа. Мы оставляемъ Севастополь. Французы заняли Малаховъ курганъ, должно по-

слѣдовать генеральное отступленіе войскъ на Сѣверную. Но чтобы эта необходимость не вліяла на духъ солдатъ, слѣдуетъ передъ ними о томъ благоразумно умолчать". Онъ вышелъ. Мы, пораженные, убитые роковой вѣстью, нѣсколько минутъ молчали, точно боясь заговорить. Затѣмъ стали совѣщаться между собою, какъ объяснить солдатамъ горькую необходимость—отступленіена Сѣверную. По общему совѣту, было рѣшено объявить солдатамъ, что мы идемъ на Сѣверную для ночлега и отдыха, что на зарѣ слѣдующаго дня двинемся на врага съ цѣлью

истребить его, либо со славою пасть. Мы разбрелись по траншеямъ, передавая эту вѣсть и, между тѣмъ, сокрушенно прощаясь съ бастіономъ. Боже, какъ невыносимо тяжело было его покинуть... Къ нему невольно природнилась душа каждаго изъ насъ. И мы должны его оставить, покинуть навсегда для того, чтобы завтра дерзновенно попиралъ его ненавистный врагъ. Эта необходимость была выше всякихъ понятій о лишеніяхъ, утратахъ, несчастіяхъ, не сопряженныхъ съ оскорбленіемъ національной гордости, чести оружія, воинской доблести. Не дай Богъ

никому переживать такія минуты".

Непріятель, занявъ Малаховъ курганъ, засѣлъ на немъ и не двигался дальше.

Севастополь рѣшено было отдать добровольно. Что дѣлать! Это стало необходимымъ!

Мрачно и тяжело на душѣ защитниковъ Севастополя.

На князя Горчакова не роптали. Его высокую душу знали всѣ; всѣ вѣрили въ него; всѣ знали, что онъ беззавѣтно любитъ родину и что онъ ничего не сдѣлаетъ, не согласнаго съ ея честью. Всѣ понимали не-

обходимость оставить Южную сторону, на которой держаться все равно, что уложить всѣхъ въ ступку, гдѣ бы роковой пестъ истолокъ все въ прахъ. И еще ужаснѣе были бы послѣдствія.

На Сѣверной же сторонѣ мерцала еще звѣздочка надежды и спасенія. Но все-таки всѣ приняли приказъ объ отступленіи съ глубокой, невыразимой горестью.

Народная гордость говорила во всѣхъ. Какъ уступить врагу святыя могилы нашихъ братій?.. Какъ отдать укрѣпленія, построенныя героями-

товарищами изъ праха, смоченнаго ихъ кровью?.. Тамъ оставались еще орудія, груды снарядовъ... Враги, конечно, все увезутъ съ собою на показъ міру, какъ трофеи, мечомъ у насъ вырванные, какъ доказательство торжества надъ Россіей, отъ вѣка непобѣжденной. А дома, эти громадныя зданія?.. Враги - побѣдители поселятся въ нихъ, будутъ смѣяться надъ побѣжденными, скажутъ: „Русскіе приготовили намъ зимнія квартиры!“ Но нѣтъ, не бывать этому! Русскіе умѣютъ не давать трофеевъ врагу... Воскреснетъ пожаръ московскій... Взлетитъ

на воздухъ все, что только есть лучшаго, дорогого! Пламя, дымъ и пепелъ — вотъ что наслѣдовали враги въ Севастополѣ.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

Осада Севастополя.

(Очерки изъ обороны Севастополя).

ДЛЯ ДѢТЕЙ и НАРОДА.

СОСТАВИЛА
КЛАВДІЯ ЛУКАШЕВИЧЪ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1909 г.

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ.

I.

ГРОЗНАЯ ТУЧА.

„...Русь за тебя стонала!
Одинъ ты былъ за всѣхъ, измученный боецъ...
Святыня нашихъ слезъ! Чья кровь не закипала,
Когда ты надѣвалъ страдальческій вѣнецъ...
По всей святой Руси былъ каждый храмъ убогій
Молитвой за тебя народной потрясенъ“.

Перваго сентября 1854 г. надъ городомъ Севастополемъ во всей красѣ взошло на ясномъ, голубомъ южномъ небѣ жаркое солнце и привѣтливо озарило море, множество судовъ, красивый городъ и прибрежныя горы.

Никому и въ голову не приходило, что солнце въ послѣдній разъ освѣщаетъ картины мирной, трудовой жизни Севастополя, и что многія тысячи людей мо-

лодыхъ, здоровыхъ, счастливыхъ скоро не увидятъ его прекраснаго восхода.

Въ десятомъ часу утра съ одного изъ возвышенныхъ сторожевыхъ постовъ города замѣтили, что со стороны моря приближаются два иностранныхъ парохода. На это не обратили вниманія: иностранные пароходы послѣднее время часто показывались около крымскихъ береговъ и мирно уходили обратно.

Вслѣдъ за этимъ была получена эстафета, что мимо Тарханъ-Кута прошло семьдесятъ судовъ, и что непріятельскій флотъ идетъ въ трехъ колоннахъ.

Севастополь заволновался. Всѣ поняли, что надвигается гроза. На улицахъ стали собираться толпы народа, поднимались толки, волненіе.

Скоро увидали, что къ дому командующаго войсками князя Меньшикова на взмыленной лошади стремглавъ прискакалъ казакъ съ испуганнымъ лицомъ. И черезъ минуту изъ устъ въ уста переходило ужасное извѣстіе, которое при-

везъ казакъ: „Непріятельскихъ судовъ двигается видимо-невидимо! Такая силища, что не перечесть!"

Это была правда. Когда непріятельскій флотъ приближался къ нашимъ берегамъ, то издали казалось, что подходитъ большой движущійся городъ со множествомъ фабрикъ и заводовъ, трубы которыхъ пыхтѣли и дымились.

Въ Севастополѣ, при первомъ появленіи на морѣ непріятеля, всѣ улицы переполнились народомъ. Что переживали севастопольцы—пойметъ каждый.

Дѣти, женщины, старики—никто не могъ оставаться въ домахъ. У всѣхъ на умѣ, на языкѣ были бѣда и опасность, неожиданно нагрянувшія, и спасеніе родного города.

Толпы собирались на самыхъ возвышенныхъ частяхъ города, поднимались горячіе споры, толки, разговоры о предстоящихъ событіяхъ.

Всѣ тревожно смотрѣли въ ту сторону, гдѣ двигалась, какъ стая зловѣ-

щихъ вороновъ, громада непріятельскихъ судовъ.

Всѣ понимали, что враги непремѣнно захотятъ овладѣть Севастополемъ—опорою могущества Россіи въ Черномъ морѣ и средоточіемъ русскаго флота. Рѣшатся ли только союзники открыто и прямо напасть на Севастополь—эту твердыню Россіи?!

Князь Меньшиковъ, въ сопровожденіи адмираловъ Корнилова и Нахимова, поспѣшилъ къ зданію морской библіотеки. Это было самое возвышенное мѣсто въ городѣ, и оттуда открывался дивный видъ на безбрежную ширь моря и на окрестности Севастополя. Долго смотрѣли они въ подзорныя трубы на движеніе непріятельской эскадры, стараясь опредѣлить, какое мѣсто выберутъ союзники для высадки.

Толпы народа виднѣлись около морской библіотеки, и всѣхъ волновали и тревожили одни и тѣ же вопросы: „Гдѣ становится и высадится непріятель? Что

онъ предприметъ? Какъ спасти и отстаивать родной городъ?“

Командующимъ сухопутными и морскими силами въ Севастополѣ въ то время былъ князь Меньшиковъ. Это былъ человѣкъ знающій, справедливый, но недоступный и холодный; любовью севастопольцевъ онъ не пользовался.

Нѣтъ, не на него съ горячей надеждой устремлены были взоры севастопольцевъ.

Хотя въ то время въ городѣ войска было мало и городъ не былъ готовъ къ оборонѣ, но среди севастопольцевъ находились испытанные, любимые адмиралы — Нахимовъ и Корниловъ, покрытые почестями и громкой славой. Ихъ зналъ каждый мальчишка въ городѣ, каждый матросъ во флотѣ. На нихъ-то беззавѣтно полагались осажденные, въ нихъ вѣрили, на нихъ надѣялись, какъ на каменную стѣну. „Морскіе богатыри“ не выдадутъ родного города, защитятъ и помогутъ въ бѣдѣ. „Пока они здѣсь—не страшно севастопольцамъ“. Такъ думали всѣ.

II.

АЛМИНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

„Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,
И какъ знали они, что идутъ умирать,
И какъ свято они умирали"...

Апухтинъ.

Въ то время, когда непріятель высаживался на берегахъ Крыма, наши войска съ концовъ полуострова стремительно двигались по направленію къ рѣкѣ Алмѣ. Самъ главнокомандующій князь Меньшиковъ велъ отряды изъ Севастополя.

— Мнѣ нужны подкрѣпленія и подкрѣпленія, — говорилъ князь, разсылая своихъ адъютантовъ.

И подкрѣпленія шли изъ Симферополя, изъ Перекопа и изъ села Аргинъ.

Подошедши къ лѣвому гористому берегу Алмы, наши полки и батареи расположились биваками. Биваки эти растянулись по горамъ на 7 верстъ. Внизу протекала рѣка Алма, которая несла свои мутныя воды въ море. Правый берегъ рѣки былъ довольно ровный, открытый. Вдали виднѣлась Евпаторія, за нею, точно лѣсъ, — мачты непріятельскихъ судовъ.

Съ лѣвой стороны отъ лагеря синѣло море и устье Алмы. Въ самомъ устьѣ рѣки была мель изъ наноснаго песку. Это былъ отличный бродъ для пѣшеходовъ, но повозки двигаться не могли. Вблизи моря въ 23 верстахъ отъ Севастополя были расположены три татарскихъ деревни: Алма-Тамакъ, Бурлюкъ и Тарханларъ. Между этими деревнями живописно раскинулись татарскія строенія, сады, рощи и виноградники. Около деревни Бурлюка черезъ рѣку Алму былъ перекинутъ мостъ, который охраняли наши войска.

Мѣсто, которое заняли русскія войска, было очень высокое. Подъ ногами войскъ, вдоль всего фронта, извивалась рѣчка Алма.

Войска того времени отличались желѣзною дисциплиною, сознаніемъ своего долга и любовью къ родинѣ. Поднявшись на защиту родного города, севастопольскіе орлы были готовы биться за свое гнѣздо до послѣдней капли крови, лишь бы отстоять его и не отдать врагу.

Казацкіе разъѣзды сообщили, что союзники въ огромномъ количествѣ остановились въ шести верстахъ отъ нашей позиціи *).

Ночь передъ Алминскимъ сраженіемъ была темная и холодная. У насъ и у непріятелей мелькали огни, горѣли бивачные костры.

Въ обоихъ лагеряхъ многіе горемычные въ послѣдній разъ склоняли на зе-

*) Во время разъѣздовъ младшій вахмистръ Зарубаевъ захватилъ въ плѣнъ французскаго офицера и привелъ его. Это былъ первый плѣнникъ.

млю свою голову, чтобы забыться въ тяжеломъ снѣ. Но до сна ли было: вспоминались близкіе родные, милые сердцу, и каждый думалъ, суждено ли увидѣться. Ночь проходила въ томительномъ ожиданіи. Солдаты въ полной боевой амуниціи расположились кучками. Всѣ готовились къ бою: кто чистилъ ружье, кто горячо молился, кто думалъ горькую думу. Были и такіе, которые, перекрестившись, прошептали: „Да будетъ воля Твоя“, и заснули крѣпкимъ сномъ.

Изъ-за моря розовымъ потокомъ лучей занялась заря. Огни на позиціяхъ потухли. На раннемъ разсвѣтѣ съ непріятельскаго адмиральскаго корабля раздался выстрѣлъ зоревой пушки. Во французскомъ лагерѣ забили зорю; послышалось пробужденіе въ англійскомъ лагерѣ; проснулись турки. Въ русскомъ лагерѣ вслѣдъ за зорей раздались трогательные звуки духовнаго гимна: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“...

Утро 8-го сентября 1854 года поднялось ясное и жаркое. По случаю праздника во всѣхъ полкахъ служили молебны; священники обходили ряды, осѣняли всѣхъ крестомъ и окропляли святою водою. Всѣ становились на колѣни и горячо молились.

Послѣ ранняго и поспѣшнаго обѣда солдаты начали приводить въ порядокъ оружіе и амуницію. Всѣ почти надѣли чистое бѣлье. Безъ шума, безъ обычной солдатской суеты совершалось это послѣднее для многихъ приготовленіе.

Въ десятомъ часу утра со стороны нашего праваго фланга послышались звуки полкового марша. Это подошли изъ Керчи на выручку товарищамъ первый и второй батальоны Московскаго полка. Батальоны эти спѣшно шли въ подкрѣпленіе и —менѣе, чѣмъ въ трое сутокъ, сдѣлали 220 верстъ. Позабывъ о большомъ переходѣ, лихіе московцы прошли мимо полковъ съ музыкою, съ пѣснями, съ бубнами, съ плясунами.

Владимірцы въ Алминскомъ сраженіи идутъ въ штыки.

датами. Изъ ружей сдѣлали носилки, перевязали ихъ подтяжками, которыя торопливо снялъ съ себя Николаевъ, и тяжело раненаго понесли вслѣдъ за отступающимъ полкомъ.

Непріятель, утомленный геройскимъ сопротивленіемъ, даже не преслѣдовалъ этихъ храбрецовъ.

Вмѣстѣ съ Владимирскимъ полкомъ и Московскій и Минскій отступили къ большой севастопольской дорогѣ, къ Качѣ *).

Сраженіе было проиграно, да и не мудрено. Небольшая часть храброй русской арміи удерживала грудью нѣсколько часовъ гораздо болѣе многочисленнаго и лучше вооружённаго врага.

Герцогъ Кембриджскій, осматривая послѣ сраженія поле, усѣянное трупами, печально проговорилъ:

---

*) Отступленіе прикрывалъ генералъ Хрущовъ съ волынцами. Это былъ добрый и любимый начальникъ и храбрый воинъ.

— Еще одна такая побѣда, и у Англіи не будетъ арміи. Много храбрыхъ полегло на полѣ сраженія.

Наступилъ вечеръ. Южныя сумерки спустились надъ полемъ битвы, полемъ страданій... Тысячи убитыхъ и раненыхъ виднѣлись на этомъ полѣ. И всюду стоны, вопли страданія, страданія безъ конца. Кто молилъ позвать доктора, кто просилъ пить, кто въ предсмертной агоніи призывалъ родныхъ, милыхъ сердцу, кто, изнемогая отъ боли, молилъ Бога послать лучшее успокоеніе — смерть... Повсюду валялись оторванныя части тѣла: руки, ноги, головы... Люди, лошади, обломки орудій плавали въ лужахъ крови. Все поле было изборождено ядрами, и не было крошечнаго пространства, гдѣ бы не лежалъ искалѣченный трупъ.

Надъ полемъ носились стаи хищныхъ птицъ, громко кричали, точно радуясь, что имъ есть чѣмъ поживиться.

Въ самомъ началѣ сраженія за нашимъ фронтомъ въ лощинѣ на татарской ло-

шаденкѣ остановился мальчикъ-матросъ. Онъ привязалъ лошадь къ кустамъ, снялъ съ плечъ котомку и вынулъ оттуда бинты, корпію, тряпки, ножницы.

Загорѣлось сраженіе, и въ лощину стали приносить раненыхъ. Мальчикъ живо сталъ дѣлать перевязки, бинтовать поломанные члены, помогать, успокоивать. Здѣсь образовался случайный перевязочный пунктъ.

— Спаси тя Христосъ, землячокъ! Спасибо, ласковый!—благодарили матросика солдаты.

— Я—дѣвушка Дарья изъ Кривой Балки,—отвѣтилъ матросикъ.

Много запекшихся кровью губъ прошептало благословеніе молоденькой дѣвушкѣ за ея святой подвигъ.

Это была первая сестра милосердія—Даша Севастопольская.

По всему полю на мѣстѣ бывшаго сраженія замѣтно было торопливое движеніе: хоронили убитыхъ, собирали въ

Младшій вахмистръ Зарубаевъ.

груды разбросанные члены человѣческаго тѣла, сжигали одежду и изломанное оружіе. Лошади длинными рядами везли на суда раненыхъ французовъ, англичанъ, русскихъ.

А рѣка Алма, видѣвшая это страшное кровопролитное дѣло, равнодушно несла свои мутныя воды, обагренныя кровью, въ море. По берегамъ ея виноградники и сады были помяты и поломаны проходившими войсками; дома жителей сожжены или разбиты и обезображены пролетавшими бомбами; земля изрыта ядрами, всюду валялись осколки гранатъ, обломки оружія, ранцы, эполеты. И надъ всѣмъ этимъ печальнѣе всего возвышались свѣжія насыпи могилъ безвременно погибшихъ.

Мѣсто это долго сохраняло слѣды страшнаго побоища и навсегда пріобрѣло извѣстность въ сердцѣ русскаго народа.

Получивъ извѣстіе о проигранномъ сраженіи, государь императоръ писалъ князю Меньшикову:

„Буди воля Божія! Ты и твои подчиненные исполнили долгъ свой, какъ смогли. Больны неудачи, но еще больнѣе потеря! Будемъ надѣяться на милость Божію и не терять надежды на свѣтлые дни.

„Да благословитъ тебя и всѣ войска Господь! Скажи имъ, что я попрежнему на нихъ надѣюсь и увѣренъ, что скоро Мнѣ вновь докажутъ, что упованіе Мое не напрасно. Пошли Мой поклонъ и благословеніе Корнилову и нашимъ храбрымъ морякамъ; ихъ положеніе Меня крайне озабочиваетъ. Богъ милостивъ, унывать мы не должны! Обнимаю“.

III.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

> **Народъ герой! Въ борьбѣ суровой**
> **Ты не шатнулся до конца;**
> **Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый**
> **Побѣдоноснаго вѣнца!**
>
> *Некрасовъ.*

Когда союзники 1-го сентября 1854 года подошли къ крымскимъ берегамъ, Севастополь не былъ готовъ къ оборонѣ. Войскъ было очень мало для защиты города и укрѣпленій. Мало было артиллерійскихъ запасовъ и матеріаловъ, не было шанцеваго инструмента.

Съ уходомъ войскъ на рѣку Алму, въ городѣ осталось всего четыре батальона Виленскаго и Литовскаго полковъ, четыре десантныхъ батальона съ двумя

подвижными морскими батареями и разныя морскія команды, находившіяся частью на судахъ, частью на берегу.

Но никто не приходилъ въ уныніе. Всѣ знали, что, кромѣ того, городъ защищался еще славнымъ черноморскимъ флотомъ. Флотъ этотъ состоялъ изъ 15 кораблей, 7 фрегатовъ, 2 корветовъ, 2 бриговъ, 11 пароходовъ. Всѣ они, защищая входъ въ Севастопольскую бухту, были разставлены такъ на рейдѣ, что могли помогать и сухопутной оборонѣ.

Сѣверную сторону охранялъ адмиралъ Корниловъ, а южную—Нахимовъ. Но какъ этотъ послѣдній, такъ и генералъ Моллеръ, которому князь Меньшиковъ сдалъ командованіе, позабывъ свое старшинство и власть, принося всякіе личные интересы долгу и присягѣ, уговорили Владимира Алексѣевича Корнилова, какъ человѣка съ выдающейся энергіей и знаніемъ, принять начальство надъ всѣмъ.

Корниловъ долго отказывался, говоря:

— Сухопутныя войска не обязаны мнѣ подчиняться.

Тогда генералъ Моллеръ предложилъ Корнилову принять на себя должность начальника штаба севастопольскаго гарнизона и прибавилъ:

— Тогда всѣ войска будутъ непосредственно подчинены вамъ.

Севастополь былъ объявленъ въ осадномъ положеніи.

Не зная отдыха, покоя и сна, не щадя своихъ силъ и здоровья, не раздѣваясь, позабывъ часто о томъ, что надо пообѣдать, адмиралы Корниловъ и Нахимовъ, не теряя присутствія духа, стали приводить городъ въ оборонительное положеніе. Ихъ можно было видѣть повсюду и днемъ и ночью: они распоряжались, совѣтовали, ободряли и работали сами безъ-устали.

Жителями осажденнаго города все болѣе и болѣе овладѣвали уныніе и страхъ.

Но Корниловъ и другіе начальники не унывали и бодро, энергично отдавали

Вице-адмиралъ Владимиръ Алексѣевичъ Корниловъ.

приказанія, готовились встрѣтить стойко врага и грудью постоять за правое дѣло. Вокругъ города былъ совершонъ крестный ходъ. Войска были поставлены въ боевыя позиціи: одни батальоны были раскинуты по оборонительной стѣнѣ и заваламъ, другіе были собраны въ колонны къ атакѣ.

— Пусть прежде повѣдаютъ войскамъ слово Божіе, а потомъ я передамъ имъ слово царское,—сказалъ Корниловъ.

Духовенство съ образами, съ хоругвями и крестами совершало крестный ходъ по южной, оборонительной линіи, на дистанціяхъ служили молебны и кропили солдатъ святою водою. Горячо и пламенно молились воины.

Адмиралъ Корниловъ, одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленной свитой, обходилъ войска и торжественно всѣмъ говорилъ свою памятную рѣчь:

— Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь!.. Да намъ и некуда отсту-

пать: позади насъ море, впереди — непріятель. Помни же, не вѣрь отступленію!.. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду! Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду!.. И если я самъ прикажу отступить, коли меня!

Повторяя эти достопамятныя слова каждому батальону, Владиміръ Алексѣевичъ, кромѣ того, къ каждому обращался особо, всѣхъ ободрялъ, поддерживалъ, успокоивалъ. Армейскимъ батальонамъ онъ толковалъ:

— Ваше дѣло—сначала строчить непріятеля изъ ружей, а если ему вздумается забраться на батареи, такъ принимайте его по-русски. Тутъ знакомое дѣло—штыковая работа.

Батальонамъ, состоящимъ исключительно изъ матросовъ, онъ сказалъ:

— Давно знаю васъ за молодцовъ, а съ молодцами и говорить нечего.

Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, восторженными криками привѣтствовали

русскіе воины напутствіе любимаго начальника:

„Ура! Ура! Умремъ за родную землю! Не выдадимъ... Постоимъ за Севастополь!“

Въ день появленія непріятельскаго флота адмиралъ Корниловъ отдалъ приказъ всѣмъ судамъ быть готовыми во всякое время сняться съ якоря. Вице-адмиралъ Нахимовъ поднялъ сигналъ: „Приготовиться къ походу“, и составилъ диспозицію на случай выхода въ море.

Изъ матросовъ сформировали флотскіе батальоны, на которые и возложили, главнымъ образомъ, защиту города.

Въ Севастополѣ закипѣла необыкновенная спѣшная дѣятельность. Всѣ рабочіе, какіе только нашлись подъ рукою, торопились строить укрѣпленія, возводить грозные бастіоны. Писаря, музыканты, пѣвчіе, даже арестанты, которыхъ съ довѣріемъ отпустилъ Корниловъ,—всѣ поспѣшили на работу и трудились въ потѣ лица, не покладая рукъ. Всѣ жите-

ли города: старики, женщины, дѣти, богатые и бѣдные, знатные и простые,—всѣ бросились помогать туда, гдѣ строились укрѣпленія, чтобы устроить преграды врагу. У кого была лошадь, волъ, телѣга, тачка, все было отдано на бастіоны—возить землю, снаряды, инструменты.

Батареи и укрѣпленія насыпались по всей линіи, верстъ на семь. Мужчины долбили каменистый грунтъ, подвозили орудія, снаряды и т. п., а женщины издалека носили землю въ мѣшкахъ, подолахъ. У каждой на умѣ были близкіе—ребята, мужъ, братъ, отецъ, домишко, нажитый тяжелыми трудами... И сжималось сердце несчастныхъ отъ страха при мысли, что непріятель можетъ разрушить и отнять все.

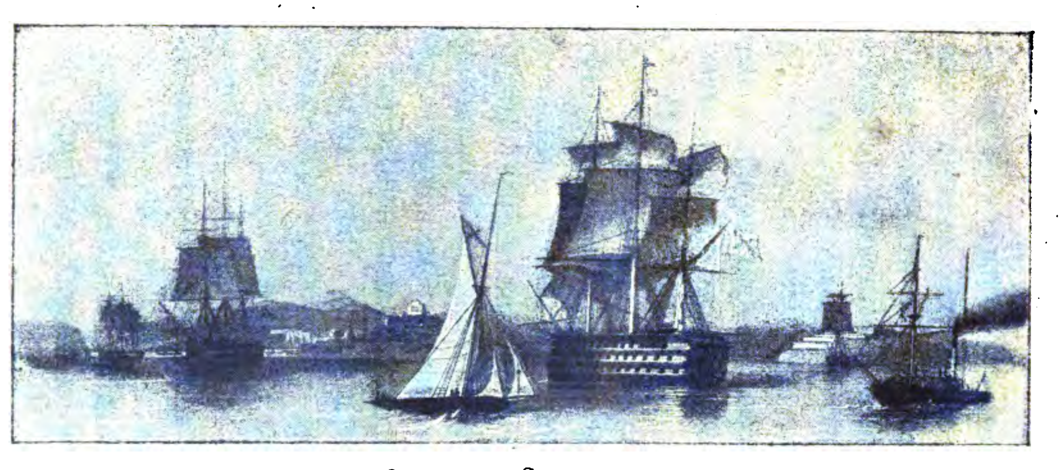
Появилась и такая батарея, которая была насыпана однѣми женщинами. Она до конца осады Севастополя называлась „дѣвичьей“ и осталась свидѣтельницей любви женщины къ родинѣ и ея неутомимой посильной дѣятельности.

Подъ руководствомъ инженера Тотлебена работы по укрѣпленіямъ производились день и ночь. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ и фонарей, и никого не надо было заставлять, принуждать. Каждый работалъ отъ души, чувствуя, что готовится защищать самое близкое и дорогое сердцу.

Полковникъ Тотлебенъ севастопольскими укрѣпленіями пріобрѣлъ себѣ всемірную славу.

Англійскій историкъ Кинглекъ въ своемъ описаніи осады Севастополя вотъ что говорилъ о Тотлебенѣ:

„Въ Севастополѣ былъ инженеръ, все время служившій волонтеромъ, который какъ нельзя болѣе предназначенъ былъ для защиты города отъ нападенія". Остзейскій уроженецъ, Тотлебенъ былъ тотъ инженеръ-практикъ, способности котораго развертываются въ исключительныхъ случаяхъ. Если Корниловъ и Нахимовъ, вызывавшіе любовь и энтузіазмъ въ окружающихъ, были душою обороны,

Общій видъ Севастополя.

то Тотлебенъ былъ ея умомъ... При всей трудности задачи, лежавшей на Тотлебенѣ, онъ находилъ время побалагурить съ солдатами, поднять ихъ духъ веселою шуткою, добрымъ, ласковымъ обращеніемъ.

Въ самое короткое время передъ глазами непріятеля выросли твердыни севастопольскія, мощныя силой русскаго духа, героизмомъ народа.

Между тѣмъ Севастополь переживалъ томительныя минуты ожиданія. Жители не имѣли никакихъ извѣстій о движеніи войскъ съ княземъ Меньшиковымъ.

Подъ видомъ новостей и слуховъ разсказывали самыя небывалыя вещи. И чего только не говорили!

Въ городѣ распространилась сказка, что будто къ одному изъ часовыхъ, стоявшихъ въ карантинѣ у колодца, являлась какая-то таинственная женщина. Она вся дрожала и просила часового спрятать ее. Тотъ отвѣтилъ, что спрятать ему ее негдѣ. Тогда женщина сказала: „Я спрячусь

сама. Но меня будутъ искать. Не говори, что видѣлъ меня, если даже тебѣ станутъ грозить смертью".

Лишь только женщина скрылась, какъ къ тому же часовому подъѣхалъ всадникъ на черномъ конѣ, вслѣдъ за нимъ— всадникъ въ красномъ одѣяніи и, наконецъ, вооруженный всадникъ на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ. Всѣ трое настойчиво разспрашивали часового о томъ, не видѣлъ ли онъ проходившей женщины. Тотъ отрекся. Всадники уѣхали. Таинственная женщина тотчасъ же явилась передъ часовымъ и разсказала ему, что означаютъ видѣнные имъ всадники: „черный,—что въ Севастополѣ не останется камня на камнѣ; красный,—что въ городѣ будутъ кровопролитія и пожары, и бѣлый, — что Севастополь оправится и станетъ краше прежняго".

Въ то тревожное время люди готовы были вѣрить всякой небылицѣ. Толпы жителей ходили въ карантинъ разыскивать и разспрашивать часового. Но ча-

сового у колодца не нашли, и сказка долго передавалась изъ устъ въ уста.

Наконецъ наступило утро 8-го сентября. Съ возвышенныхъ мѣстъ города можно было видѣть цѣлый лѣсъ мачтъ непріятельскаго флота за мысомъ Лукуллъ, около устья рѣки Алмы. Клубы чернаго дыма съ непріятельскихъ пароходовъ высоко поднимались въ воздухѣ.

Всѣ жители знали, что тамъ же, поблизости гдѣ-нибудь, находятся и наши войска. Туда мысленно неслись благословенія и горячія напутствія.

Въ церквахъ горячо молились, служили молебны. Церкви были переполнены народомъ.

Около часу пополудни до Севастополя донеслась отдаленная канонада съ непріятельскихъ судовъ, а затѣмъ телеграфъ далъ знать, что „армія вступила въ бой“.

Страшныя, тягостныя наступили минуты для жителей Севастополя. У многихъ въ томъ неравномъ бою были близкіе,

Женщины строятъ батарею.

родные. У кого отецъ, у кого мужъ, сынъ, братъ, другъ... Съ замираніемъ сердца всѣ прислушивались къ канонадѣ, устремлялись на возвышенныя мѣста и съ мучительной тревогой смотрѣли вдаль.

Канонада то вдругъ стихала, прекращалась на мгновеніе, то вдругъ опять разсыпалась грохотомъ и трескомъ. Около пяти часовъ выстрѣлы затихли. Вдали, надъ полемъ, колыхались облака порохового дыма. Еще страшнѣе было это зловѣщее молчаніе.

Стемнѣло. Но улицы Севастополя были полны народомъ. Раздавался сдержанный говоръ, шопотъ, слышались рыданія... Всѣ находились между страхомъ и надеждою.

Еще при первыхъ выстрѣлахъ, услышанныхъ въ Севастополѣ, адмиралъ Корниловъ и Тотлебенъ ускакали на поле сраженія.

Ночью въ Севастополь привезли перваго раненаго полковника Сколкова, съ отнятой рукой, и отъ него севастополь-

цы узнали, что сраженіе было кровопролитное, что наши войска дрались славно, лихо, по-русски, но все-таки должны были отступить. Непріятель былъ втрое многочисленнѣе и гораздо лучше вооруженъ.

Поздно вечеромъ въ Севастополь вернулся Корниловъ. Князь Меньшиковъ поручилъ ему принять самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ города и бухты.

Непріятель двигался къ Севастополю.

Прежде всего адмиралъ Корниловъ озаботился размѣщеніемъ по госпиталямъ и лазаретамъ раненыхъ, прибывающихъ съ поля сраженія. На сѣверной сторонѣ рейда ихъ ожидали шлюпки, переправлявшія ихъ черезъ бухту, а на пристаняхъ стояли люди съ носилками. Дорога была освѣщена факелами, и всю ночь тянулись по ней мрачныя тѣни, говорившія о нашихъ потеряхъ. Такая переправа продолжалась два дня. Вся бухта была усѣяна гребными судами, перевозившими раненыхъ.

Съ первымъ разсвѣтомъ улицы переполнились народомъ. Всюду грустныя лица... Не слышно было ни радостныхъ привѣтствій ни восторженныхъ возгласовъ. Большинство сознавало предстоящую опасность и тяжелое положеніе Севастополя. Всѣ отлично понимали, что настало время, когда каждый долженъ стать на защиту отечества и родного гнѣзда.

IV.

ЗАТОПЛЕНІЕ КОРАБЛЕЙ.

„Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла. Напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ. Конечно, Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь“.

(Слова адмирала Корнилова.)

Утромъ 9-го сентября адмиралъ Корниловъ собралъ военный совѣтъ изъ адмираловъ, флагмановъ и капитановъ. Онъ обратился къ собравшимся съ такими словами:

„Армія наша отступаетъ къ Севастополю. Непріятель легко можетъ занять южныя Бельбекскія высоты, распространиться къ Инкерману и къ Голландіи, гдѣ еще не кончена постройка оборонитель-

ной башни, и, дѣйствуя съ высотъ по кораблямъ эскадры Нахимова, можетъ принудить флотъ оставить настоящую позицію. Съ перемѣной боевой позиціи нашихъ судовъ облегчится доступъ на рейдъ непріятельскому флоту. Если же союзная армія успѣетъ въ это время овладѣть сѣверными укрѣпленіями, то геройское сопротивленіе наше не спасетъ черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна. Предлагаю выйти въ море и атаковать враговъ, столпившихся у Лукулла. При счастіи мы можемъ разметать непріятельскую армаду и тѣмъ лишить союзную армію продовольствія и подкрѣпленій; при неудачѣ — сцѣпиться на абордажъ, взорвать непріятельскія суда и тѣмъ избѣгнуть постыднаго плѣна".

Безмолвно приняли флагманы и капитаны предложеніе адмирала. Только нѣкоторые отдѣльные робкіе голоса выражали согласіе. Большинство обдумывали другой смѣлый планъ и шопотомъ сообщали о немъ другъ другу.

Наконецъ среди присутствующихъ поднялся капитанъ Заринъ и рѣшился заговорить:

— Хотя я не прочь вмѣстѣ съ другими выйти въ море, вступить въ неравную битву и искать счастія или славной смерти, но я осмѣливаюсь предложить другой способъ защиты: заградить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выйти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище до послѣдней капли крови.

Всѣ молчали. Адмиралъ Корниловъ понялъ, что это краснорѣчивое молчаніе выражаетъ согласіе съ мнѣніемъ Зарина.

Но тяжело было черноморцамъ произнести послѣднее слово. Многіе не могли скрыть душевнаго волненія и отирали то и дѣло навертывавшіяся слезы.

Много лѣтъ любовью и безкорыстными трудами создавался могучій Черноморскій флотъ. Моряки гордились своимъ званіемъ и высоко чтили его. Неустанными заботами они довели свои корабли до

образцоваго состоянія, так что даже иностранныя державы завидовали имъ. Теперь приходилось отказаться отъ званія моряка, сознать свое безсиліе и собственными руками потопить корабли— эти взлелѣянныя дѣтища моряковъ—въ родномъ морѣ.

Адмиралъ Корниловъ громко и горячо заговорилъ противъ такой мѣры.

Военный совѣтъ не соглашался; слышались такія разсужденія:

— Храбрость офицеровъ и матросовъ извѣстна. Флотъ сумѣетъ съ честью умереть, если это необходимо для пользы и чести отечества... Но выходъ въ море оставитъ Севастополь безъ всякой защиты, на жертву непріятелю...

— Если умирать, то лучше на стѣнахъ Севастополя, гдѣ, можетъ-быть, удастся задержать непріятеля до прихода арміи, которая, вѣроятно, не замедлитъ прійти на помощь.

Адмиралъ Корниловъ, огорченный, разстроенный, прекратилъ разсужденія и

распустилъ совѣтъ. Его звалъ къ себѣ пріѣхавшій князь Меньшиковъ.

Уходя, адмиралъ Корниловъ съ болью въ сердцѣ проговорилъ присутствующимъ:

— Готовьтесь къ выходу. Будетъ данъ сигналъ, что кому дѣлать.

Въ это время князь Меньшиковъ на южной сторонѣ города встрѣтилъ командира „Громоносца“ въ полной парадной формѣ.

— Откуда вы въ такомъ парадѣ?— спросилъ князь.

— Съ военнаго совѣта, ваша свѣтлость,—былъ отвѣтъ.

— О чемъ же тамъ говорили?

— Одни говорили, чтобы выйти съ флотомъ въ море, другіе предлагали затопить у входа корабли.

— Послѣднее лучше,—рѣшилъ князь.

Когда Корниловъ явился къ князю Меньшикову, изложилъ мнѣніе военнаго совѣта и объяснилъ свое намѣреніе выйти въ море, то главнокомандующій коротко рѣшилъ:

— По-моему для насъ одинъ выходъ— это затопить корабли на фарватерѣ.

Адмиралъ отказался исполнить это приказаніе.

Разсерженный его настойчивымъ противорѣчіемъ, князь Меньшиковъ сказалъ:

— Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы!—и приказалъ ординарцу позвать вице-адмирала Стажоковича, чтобы ему отдать тѣ же приказанія.

— Остановитесь! — вскричалъ Корниловъ. — Это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете... Но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ,—невозможно!.. Я готовъ повиноваться вамъ!

Утромъ 10-го сентября суда, назначенныя для потопленія, были поставлены на указанныя мѣста. Ихъ было семь: пять старыхъ кораблей: „Три Святителя“, „Уріилъ“, „Селафаилъ“, „Варна“., „Силистрія“, и два фрегата: „Флора“ и „Сизополь“.

Съ нихъ спустили брамстеньги и отвязали паруса.

Въ это время вдали, на взморьѣ, два непріятельскихъ парохода осматривали нашу позицію. Они увидѣли, что семь судовъ вытянулись въ линію, но не обратили вниманія на отвязанные паруса и спущенныя брамстеньги. Быстро умчались пароходы обратно и, какъ извѣстно, донесли своему начальству, что „русскій флотъ готовится къ бою“.

Въ 6 часовъ вечера Владимиръ Алексѣевичъ Корниловъ, грустный и задумчивый, вошелъ въ морскую библіотеку и приказалъ надъ ея башней поднять русскій національный флагъ. Это былъ условленный сигналъ—топить корабли.

Въ 8 часовъ вечера на этихъ корабляхъ, по морскому обычаю, сыграли зорю въ послѣдній разъ. Офицеры и матросы были грустны, многіе плакали: имъ жаль было свои корабли, которые должны погибнуть, не помѣрившись съ непріятелемъ въ честномъ бою.

Ночью съ кораблей спѣшно свозили вещи, имущество, все, что можно, кромѣ орудій. На разсвѣтѣ рубили мачты.

Толпы народа, офицеры, матросы стояли на берегу, и не одна горячая слеза скатывалась съ рѣсницъ при видѣ этой печальной картины. Раздавался тихій говоръ.

— Тяжело, братцы... Все равно, что свой родной домъ разорить...

— Кланяются, прощаются, горемычные!..

— Смотри, „Три Святителя“ ко дну не идетъ...

— Не потопить имъ „синопца-героя“...

— Съ врагами хотятъ они помѣриться!..

Въ полночь раздался глухой трескъ, громкое клокотанье воды, и шесть гигантовъ опустились въ море. На поверхности качались мачты и плавали обломки.

На разсвѣтѣ видно было, что только одинъ корабль „Три Святителя“ все еще

оставался на поверхности. Заслуженный ветеранъ сопротивлялся и, казалось, не хотѣлъ итти и разставаться съ жизнью. Вода съ шумомъ врывалась въ прорубленныя отверстія, но корабль качался на волнахъ и не погружался.

Тогда приказано было пароходу „Громоносцу“ подойти и пустить нѣсколько бомбъ въ подводную часть.

— Икону на кораблѣ забыли... Вотъ онъ и не тонетъ,—послышался чей-то голосъ среди матросовъ.

— Ну, коли икона его держитъ, онъ ни за что не пойдетъ ко дну,—отвѣтилъ другой увѣренный голосъ.

— Два дня, братцы, мы его буравили, четырнадцать дыръ сдѣлали... Нѣтъ... Не тонетъ... Вотъ каковъ онъ, этотъ корабль, „ерой“, — разсказывали матросы въ толпѣ.

На кораблѣ-героѣ, дѣйствительно, была позабыта икона св. Николая чудотворца. За ней вызвался съѣздить матросъ, досталъ и привезъ ее.

Корниловъ стоялъ на берегу, окруженный адмиралами, офицерами. У него навернулись слезы, и онъ проговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Вотъ горькое зрѣлище! Что вѣками создавалось—все въ одинъ мигъ уничтожено. Черноморскій флотъ погибъ!

Между тѣмъ, несмотря на выстрѣлы „Громоносца", корабль „Три Святителя" все еще упрямо стоялъ на водахъ.

Владимиръ Алексѣевичъ закрылъ лицо рукой, отвернулся и сказалъ:

— Не могу равнодушно смотрѣть...

Потомъ „Громоносецъ" пустилъ еще бомбу. Корабль зашатался, волны разступились, и старикъ-герой пошелъ ко дну.

Шумъ воды, трескъ ломающихся мачтъ, грохотъ пушекъ, катавшихся съ одного борта на другой, сопровождали эту борьбу корабля съ моремъ. Выстрѣлы „Громоносца" больно отзывались въ сердцахъ моряковъ. Смотря, какъ тонулъ

корабль „Три Святителя", многіе изъ нихъ плакали навзрыдъ.

Но долго горевать и падать духомъ въ эти минуты не приходилось.

Грустный и задумчивый, Владимиръ Алексѣевичъ первый опомнился и пришелъ въ себя. Онъ обратился къ собравшимся со словами утѣшенія:

„Товарищи, войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобы грудью защитить его. Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ? Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобы наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли—разразить врага на водѣ! Къ тому же мы нужны для защиты города.

„Главнокомандующій рѣшилъ затопить семь старыхъ судовъ на фарватерѣ. Они временно преградятъ входъ на рейдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска.

„Грустно уничтожать свой трудъ! Много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо покориться необходимости!

„Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла! Напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь.

„Итакъ, помолимся Господу и не допустимъ врага сильнаго покорить себя. Онъ цѣлый годъ набиралъ союзниковъ и теперь окружилъ царство русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна! Но царь уже шлетъ свою армію, и если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость будетъ наказана и врагъ будетъ въ тискахъ".

Мысль затопить корабли можно назвать геніальною, а ея исполненіе — однимъ изъ крупныхъ подвиговъ въ оборонѣ Севастополя.

Хотя и тяжела была эта жертва для Черноморскаго флота, но для союзни-

ковъ это былъ страшный, громовой ударъ.

Когда тотъ же французскій пароходъ „Роландъ“, который донесъ, что „русскій флотъ готовится къ бою“, снова долженъ былъ донести, что семи судовъ, стоявшихъ поперекъ рейда, уже нѣтъ, а изъ воды торчатъ только мачты, что они, вѣроятно, потоплены и входъ въ рейдъ загражденъ, то англійскій адмиралъ Лайонсъ отъ досады рвалъ на себѣ волосы.

Съ прегражденіемъ фарватера Севастополь пересталъ быть портомъ, и его знаменитый рейдъ, какъ выразился Корниловъ, обратился въ озеро, недоступное, впрочемъ, для непріятельскаго флота. Городъ обратился въ крѣпость, а моряки-матросы—въ пѣхотинцевъ.

Морякъ, исполненный горячей любви къ родинѣ, чувства святого долга, сталъ стрѣлкомъ, артиллеристомъ, саперомъ, чернорабочимъ, не знавшимъ отдыха ни

днемъ ни ночью въ теченіе одиннадцати-мѣсячной осады, подъ вѣчнымъ градомъ пуль и бомбъ.

Это крутое превращеніе совершилось точно по мановенію волшебнаго жезла, какъ въ сказкѣ, совершилось на глазахъ у многочисленнаго непріятеля, уже подошедшаго къ Севастополю.

V.

ПОМОЩЬ СЕВАСТОПОЛЬЦАМЪ.

Работы въ городѣ.

„Я спою, какъ, покинувъ и домъ и семью,
Шелъ въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, обнимая бабенку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты".

Апухтинъ.

Печальная вѣсть о проигранномъ первомъ сраженіи при Алмѣ облетѣла всю Россію. Россія вздрогнула и вся, отъ мала до велика, поднялась на защиту родины. Во всѣхъ уголкахъ русской земли стали собираться дружины. Изъ разныхъ городовъ, селъ, мѣстечекъ, двигались войска. Снаряжались добровольныя ополченія, въ которыя вступали и богатые помѣщики и бѣдные крестьяне. Даже

женщины собирались на войну. Это были первыя сестры милосердія.

Студенты Московскаго университета изъявили желаніе по выдержаніи экзаменовъ стать въ ряды войскъ, почему выпускные экзамены были назначены вмѣсто мая въ февралѣ.

Во дворцахъ и въ бѣдныхъ хатахъ щипали корпію, шили бѣлье. Деньги, припасы, одежда, — все отправлялось огромными партіями на войну. Но, конечно, не все доходило по назначенію.

Находились люди, которые пользовались народнымъ горемъ, хотѣли нажиться, обмануть. Бывали безотрадные возмутительные случаи. Такъ, черниговское дворянство прислало войску нѣсколько боченковъ водки со своимъ довѣреннымъ-малороссомъ. Комиссіонеры не хотѣли принимать добровольной жертвы, требуя, чтобы имъ хорошо заплатили за пріемку. Честный малороссъ возмутился и не давалъ ничего.

— Не дамъ взятки!—кричалъ онъ.— Въ такое-то время... Есть ли у людей совѣсть! Возьму ломъ, проломлю у боченковъ дно, выпущу спиртъ и уѣду.

Комиссіонеры должны были принять даръ безъ взятокъ.

Изъ большихъ транспортовъ пропадали вещи, и невозможно было найти виновныхъ. Провизію солдатамъ доставляли часто плохую, негодную въ пищу. Вотъ что писалъ объ этомъ даже самъ князь Меньшиковъ: „Три транспорта сухарей оказались попорченными и сгнившими до того, что даже при недобросовѣстной сортировкѣ ихъ нельзя употребить въ дѣло. Плутъ N. N. заставилъ принять этотъ транспортъ, задержавъ съ намѣреніемъ остальные“. Люди бываютъ всякіе. Многіе хотѣли тутъ нажиться на несчастіи ближнихъ.

Въ Севастополѣ шла безостановочно дѣятельная, усиленная работа. Трудился весь городъ. Сами граждане образовали

изъ себя караулы, и начальство надъ ними приняли актеры мѣстнаго театра.

Адмиралъ Корниловъ уже успѣлъ укрѣпить сѣверную сторону, а южная была въ очень плохомъ состоянiи.

Севастополь представлялъ изъ себя какъ бы островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ враждебнымъ моремъ, готовымъ его поглотить въ свои волны. Жители знали, что окружавшiе ихъ татары передались на сторону непрiятеля, грабятъ и разбойничаютъ по окрестностямъ. Молва усиливала ужасы. Говорили, что всѣ дороги отрѣзаны, что сообщенiя нигдѣ нѣтъ. Говорили, что непрiятель подходитъ и съ южной стороны.

Князь Меньшиковъ забралъ всѣ войска и ушелъ изъ города, предоставивъ населенiю обороняться самому. Никто не зналъ, что предпринимаетъ этотъ скрытный и недовѣрчивый человѣкъ.

Южная сторона Севастополя, дѣйствительно, была совсѣмъ не укрѣплена. Павелъ Степановичъ Нахимовъ изнемогалъ

надъ работой. Надо было спѣшно строить укрѣпленія и оборонять пространство на семь верстъ. Команды у него собралось всего 3.000 человѣкъ, а нападеніе ожидалось не менѣе 30—40 тысячъ.

Разсчитывая, что Корниловъ не рѣшится оставить ввѣренную ему сѣверную часть, Нахимовъ рѣшилъ, что для него и его команды одинъ исходъ: сжечь корабли, собраться вмѣстѣ и погибнуть всѣмъ до единаго.

Онъ написалъ такой приказъ:

„Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ. Каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой. Насъ соберется до трехъ тысячъ. Сборный пунктъ на театральной площади".

Не успѣли писаря переписать этотъ приказъ, какъ къ Нахимову пріѣхалъ его энергичный, вѣрный другъ Корниловъ.

Этого заботливаго, дѣятельнаго человѣка сильно тревожила южная сторона.

Послѣ взаимныхъ совѣщаній адмиралы приказали свозить со старыхъ кораблей команды и орудія на берегъ, устраивать, не откладывая ни минуты, непрерывную цѣпь батарей, доканчивать бастіоны, углублять рвы, поднимать брустверы. Въ двѣ ночи и одинъ день южная сторона была порядочно укрѣплена, и на батареяхъ было поставлено болѣе ста орудій.

„Корниловъ не сходилъ съ лошади,— писалъ въ то время одинъ изъ участниковъ обороны. — Распоряженія самыя быстрыя, благоразумныя, вниманіе ко всему и ко всѣмъ. Въ Севастополѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не вѣрилъ ему, не понималъ, что значитъ для города нашъ несравненный адмиралъ“.

Онъ являлся повсюду, слѣдилъ за всѣмъ, не зналъ покоя ни днемъ ни но-

чью. Своимъ примѣромъ, своимъ самоотверженіемъ онъ воодушевлялъ всѣхъ. Онъ старался въ офицерахъ и солдатахъ поддерживать энергію и внушать, что, защищая родину, надо отстаивать ее до послѣдней капли крови. Рѣчь его была коротка, проста и трогала сердца.

„Московцы,—говорилъ онъ однажды, обращаясь къ нижнимъ чинамъ Московскаго полка, — вы находитесь здѣсь на рубежѣ Россіи, вы защищаете дорогой уголъ русскаго царства. На васъ смотритъ царь и вся Россія! Если только вы не исполните долга, то и Москва не приметъ васъ, какъ московцевъ".

Въ другой разъ, увидѣвъ чиновника особыхъ порученій при главнокомандующемъ за бумагами, онъ нервно сказалъ ему:

— Теперь надо бросить всѣ занятія. Нужно думать только о защитѣ Севастополя. Я васъ прошу перевозить ядра на бастіоны.

Чиновникъ тотчасъ оставилъ свои бумаги и сталъ возить на бастіоны ядра и другіе военные запасы.

Въ эти дни Корниловъ добровольно принялъ на себя всю отвѣтственность предъ отечествомъ и сталъ неизмѣримо выше всѣхъ.

Онъ—одинъ изъ немногихъ, который не потерялся въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Всѣ начальники, какъ бы сговорившись, уступили ему старшинство и слушались его. Корниловъ смотрѣлъ на дѣло, не увлекаясь и не отчаиваясь. Вотъ что тогда писалъ онъ:

„Наши дѣла улучшаются. Инженерныя работы идутъ успѣшно. Укрѣпляемся, сколько можемъ. Но чего ожидать, кромѣ позора, съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго по огромной мѣстности, при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время... Если бы я зналъ, что это случится, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы

вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу. Съ ранняго утра осматриваю войска на позиціи. Всего 6 резервныхъ баталіоновъ и 15 морскихъ, изъ матросовъ. Изъ послѣднихъ четыре пріобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены и плохо обучены. Но что будетъ, то будетъ! Другихъ нѣтъ. Чтобы усилиться, формируемъ еще команду изъ обоза. Можетъ завтра разыграться исторія. Хотимъ биться до послѣдней крайности. Врядъ ли это поможетъ дѣлу! Корабли и всѣ суда готовы къ затопленію. Пускай достанутся однѣ развалины!“

Достойными и энергичными помощниками адмирала Корнилова въ это тяжелое время, кромѣ Нахимова, были контръ-адмиралъ Истоминъ и полковникъ Тотлебенъ.

Истомину досталось оберегать Корабельную слободку и Малаховъ курганъ. Онъ не раздѣвался, спалъ урывками,

иногда присѣвъ на стулъ, хлопоталъ безъ-устали, работалъ безъ отдыха, быстро подвигалъ укрѣпленія впередъ и Малаховъ курганъ скоро привелъ въ блестящій, грозный боевой видъ.

Полковникъ Тотлебенъ распоряжался сооруженіями, рылъ подъ землею минные ходы и на глазахъ у непріятеля возводилъ контръ-апроши. Это были укрѣпленія, выдвинутыя далеко впередъ оборонительной линіи. Они были образованы исподволь. Чтобы слѣдить за непріятельскими работами, каждую ночь выходили охотники-пластуны, матросы, а потомъ и солдаты. Чтобы предохранить себя отъ выстрѣловъ, они устраивали себѣ прикрытія — завалы. Одинъ завалъ состоялъ изъ груды камней, другой—изъ неглубокой ямы. Ямы эти соединялись траншеями. Такъ образовались контръ-апроши. Схватки за обладаніе ими бывали каждую ночь, и они переходили изъ рукъ въ руки. Затѣмъ саперы стали строить ложементы. Они имѣли то же

назначеніе, что и завалы, но строились въ траншеяхъ прочными и еще ближе къ непріятелю.

Защищая родной городъ, севастопольцы рѣшили вести войну на водѣ, на землѣ и подъ землею.

КОНЕЦЪ.

DATE DUE

